

ВИТАЛИЙ ЛОЗОВИЧ

УБОЙНЫЙ СНЕГ

Виталий Лозович

Убойный снег

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лозович В.

Убойный снег / В. Лозович — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Убойный снег» — сборник рассказов и повестей Виталия Лозовича. Книга открывается одноименной повестью. Три американца — женщина-журналист, режиссёр и звукорежиссёр собираются снимать северные малые народы России. Прибыв в страну, они вынуждены взять оператора из местных телевизионщиков. Им оказывается безработный Сашка. Сашка — профессиональный оператор, но за пьянство изгнанный с телевидения. По пути к месту назначения самолёт группы попадает в аварию. Лётчик, Сашка и три американца, не имея у себя ничего, кроме охотничьего ножа, пытаются выжить в снегах России. Повесть «Убойный снег» награждена первой литературной премией губернатора Ямало-Ненецкого округа 2014 г., премией «Золотое перо Руси — 2015»; в 2016 г. стала финалистом Германского Международного конкурса «Лучшая книга года». Также среди произведений, вошедших в сборник: «В городе метёт пурга» (призёр Всероссийского литературного конкурса «Всё впереди» им. Василия Белова), «Голубой лёд Хальмер-То или рыжий волк» (призёр Международного литературного конкурса «Новые писатели — 2015»), «Скала, лёд и слёзы», «Однажды на берегу Карского моря» и др.

© Лозович В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Убойный снег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виталий Лозович

Убойный снег

Сборник

Убойный снег

Повесть

Убой – наст, плотный снег, твёрдая дорога на снегу. Убойный снег – плотный, крепкий.

(Север, Сибирь, Дальний Восток) Э. М. Мурзаев «Словарь народных географических терминов»

Когда Сашке в конце девяностых исполнилось тридцать пять лет, его выгнали с работы. Выгнали, в сущности, ни за что – за трехдневное отсутствие. Открыли трудовое законодательство, нашли «статью» и выгнали. Причина отсутствия была крайне заурядная – затяжной день рождения. Имеющиеся в наличии когда-то заработанные отгулы не помогли – отговорка постфактум. Пятнадцать лет Сашка отдал местному телевидению. Пятнадцать лет морозился на своем Крайнем Севере с кино и телекамерами в любую погоду, в любых условиях, начиная от тёплых кабинетов начальства и заканчивая Арктическим побережьем, островами в Ледовитом океане, промысловиками, рыбаками, пограничниками или стойбищами оленеводов.

Теперь второй месяц сидел Сашка на овсяной каше и сухих лепёшках, которые пёк без масла на муке. Его кот Моська и среднеазиатский волкодав Хан жили много лучше, им Сашкина тётка пару раз в неделю приносила остатки обедов из заводской столовой. Заканчивалось двадцатое столетие – время в России для честных людей не очень денежное.

Иногда Сашка ходил на овощную базу разгружать вагоны с продуктами. За это давали сетку картошки или капусты да немного денег, которые уходили на оплату квартиры и прочих жилищных услуг. Как-то он пробовал звонить на работу – покаяться, но директор остался непреклонен:

– А зачем мне четвёртый оператор? Мне хватает трех. Работы у нас не так и много.

Однажды, когда на овощной базе не было работы почти целую неделю, Сашка достал охотничье ружьё, взял лыжи и ушёл в тундру. Через двенадцать часов он вернулся домой с увесистым зайцем.

Время от времени звонили знакомые дамы. Узнав, что Сашка без работы, а в холодильнике у него лишь мороз трескучий, говорили одни и те же слова:

– Никуда не уходи! – потом на столе у Сашки появлялись колбаса, хлеб, огурцы, яблоки, конфеты, пельмени в пакетах, водка в бутылках, а на подушке – очаровательное женское личико. Утром личико исчезало, а еда оставалась.

Когда он принёс из тундры зайца, разделал его и поставил варить чуть не целый килограмм, зазвонил телефон. Сашка поначалу даже и трубку поднимать не хотел: надоели ему сочувственные слова очаровательных созданий. Время шло, и надо было уже не соболезнования принимать да «гуманитарную помощь», а действенные меры, вплоть до смены профессии. В этом Сашка больше всего надеялся на своего бывшего «шефа» по телестудии, кинооператора с тридцатилетним стажем. Тот давно уже работал преподавателем кинофото-видео в местном Дворце пионеров и обещал Сашке подыскать хотя бы что-нибудь, связанное с «объективом». Специальность, может быть, другая, но все же родственная. Теле-

фон звонил долго и настойчиво. Сашка не сдержался, снял трубку и голосом очень занятого человека, немного нервно произнес:

– Алло.

И в трубке нежно произнесли:

– Здравствуй, Саша.

Сашка едва не упал. А когда не упал, услышал вновь:

– Саша, это я. Ты где?

У него моментально заболело горло, а язык охватил паралич.

– Алло?

– Да, да, – сказал он, – я слышу.

Это была Ксюша. В это было трудно поверить, но это была Ксюша. Сашка познакомился с ней около года назад, подружил пару месяцев без особых претензий, да так и не сдружился. Ксюша была моложе его на пятнадцать лет. Тогда ей было девятнадцать. Ее увлечение своей персоной Сашка принял как должное. Но потом она вдруг пропала, на звонки не отвечала, дома застать стало невозможным. Сашка занервничал. Но вокруг было столько прекрасных утешительниц, что исчезновение Ксюши сгладилось и позабылось уже через сутки. А через месяц она позвонила ему и сообщила, что выходит замуж за парня, с которым ходила еще вместе в детский сад. Там все серьезно, там уже чуть ли не готовая семья. Детей только не хватает. Сашка хотел было удариться от злости в запой, но не смог, шел июль – месяц отпусков, он остался один на студии в операторском цехе. Надо было работать.

Сейчас Сашка, растеряв все слова и мысли, лихорадочно соображал, что бы спросить? «Как семейная жизнь? Ожидаем приплода?... Тьфу! Нет, этого, потомства?... Или нет...»

– Саша, это я, – сказала Ксюша.

– Что-нибудь случилось? – вылетело у него машинально.

– Случилось, – тихо подтвердила она, – мы разошлись.

У Сашки едва не вырвалось по привычке: ну, ничего страшного, разошлись – не убились, в конце концов.

– Я могу чем-то помочь? – спросил он.

– Конечно, можешь. Поговори со мной.

Они проговорили полтора часа. Сашка рассказал всю свою историю и даже пригласил на зайчатину, но Ксюша вежливо отказалась под предлогом плохого самочувствия. Сама она ничего особенного не рассказывала – так, разошлись и все, больше слушала Сашку, о его горестном положении да пробовала дать хоть какой-нибудь совет. Когда разговор закончился, Сашка посмотрел в окно – укрытый снегом зимний город уже спал. На улице было тихо и хорошо. Желтоватые фонари и освещенные окна домов рисовали какую-то теплую, уютную картину. Никто не стрелял, не звал на помощь, не горланил пьяные песни, не включал на пустынных улицах милицейскую сирену...

Через день Ксюша позвонила опять, и после этого милого, в сущности, бессодержательного разговора Сашке вдруг стало невыразимо стыдно. Сначала он даже не мог понять, а за что ему так необъяснимо стыдно? Он перебрал в уме все возможные варианты, связанные с Ксюшей и со всеми остальными дамами, но не нашел ничего особенного, ничего отвратительного в своем поведении. Но странное дело, как только закончилась зайчатина, а последние хрящи и кости слопали Хан и Моська, Сашка вмиг объяснил себе свое беспокойство. Он был сейчас просто жалок. Он вызывал сострадание у того человека, перед которым хотел выглядеть надежным, обеспеченным и более всего – материально независимым. Хотя бы как тогда, когда имел работу. Он так привык, что она есть, эта работа, и думал, она будет всегда. Жизнь распорядилась иначе. Хорошо, хоть Моська и Хан особенно от этого не страдали.

Нет, нет, надо срочно искать работу, хоть кем, хоть где, только иметь постоянный заработок... постоянный. Хватит перебиваться с картошки на капусту. Хватит жаловаться своим дамам на холодильник, в котором, кроме «зимы», ничего нет.

Он встал, открыл ящичек письменного стола, достал записную книжку и в который раз стал перебирать фамилии знакомых и полужнакомых людей, которые могли хоть как-то поспособствовать его устройству. Ждать больше нечего. Все сроки вышли, и на своей бывшей работе он теперь не нужен. Надейся – не надейся, никто не вспомнит, никто не позовет. Пролистав несколько страниц, он наткнулся на фамилию одного давнего товарища, бывшего одноклассника, имевшего нынче три продовольственных магазина. Кем он к нему?... Хоть кем. Это если еще возьмет. Сашка подошел к телефону, вспомнил все нужные слова в такой ситуации... и тут телефон зазвонил сам. Сашка вздрогнул, поднял трубку и нетерпеливо сказал:

– Слушаю.

Сейчас ни с кем особенно говорить не хотелось. Хотелось быстрее получить хоть какой-нибудь результат, какую-нибудь информацию.

– Ну, здравствуй, дорогой! – проговорили в трубке.

Сашка присел на кровать – это был бывший шеф и учитель, кинооператор, обещавший устроить его хоть на какую работу, похожую на основную.

– У меня такое впечатление, Саша, что тебе немного повезло, – загадочно произнес он после взаимных приветствий, – если твое положение все такое же, то сразу главный вопрос – как дела с «кино»?

– Кто сейчас помнит это слово? – вяло ответил Сашка.

– Тогда слушай внимательно. В город прилетели американцы. Они снимают малочисленные коренные народы Севера. Снимают они на «кино», никакого «видео». У них оператор свалился с аппендицитом, его спасли, но он в больнице. Ждать его выздоровления группа не может. Время – деньги. Бросились искать здесь, а у нас каждый, хоть и «мэтр», но с кино дела не имел. Обратились через городское начальство ко мне, а мне лень... Я им рекомендовал тебя. Вопросы?

– На сколько дней?

– Дня три, может, четыре, может, и в два уложите. Они платят в долларах и прилично, Два дня полета и пятьсот баксов у тебя в кармане, представляешь?... По сегодняшнему курсу? А если в рубли?... Ты у себя на работе, сколько в долларах получал? Ну-ка вспомни?...

– Баксов сто... или сто пятьдесят.

– Видишь? Почти за пять месяцев платят.

– Когда ехать?

– Вылет завтра.

– Как мне с ними встретиться?

– Сейчас садись, едешь в гостиницу «Центральная», я от них звоню. Все. Встретимся в холле.

Сашка положил трубку и тупо уставился в телефон. Записная книжка захлопнулась сама. Кино! Мечта жизни! В последние годы он забросил это дело. Кино превратилось в экзотику. Видео – более оперативно, более дешево. Оно и вытеснило кино. И вот надо же такому случиться?

Знакомство прошло в считанные минуты. Группа состояла из трех человек: руководителем была Элизабет, женщина лет двадцати – тридцати, автор и журналист. Русским языком она владела в совершенстве, но говорила с легким акцентом, иногда смягчая согласные звуки. Двое других – звукооператор Фрэнк и режиссёр Макс – ничего особенного из себя не представляли, говорили плохо, с акцентом, но понимали русский язык сносно. Они были

какие-то одинаковые: коренастые, немногословные, даже замкнутые. Все больше молчали и внимательно разглядывали Сашку. Впрочем, его это волновало меньше всего. Он внимательно оглядел Элизабет и вспомнил Ксюшу... американка все же была ничего... Показали кинокамеру – одну из последних моделей французской марки «Эклер».

– Что это американцы начали европейской техникой снимать? – тихо спросил Сашка.

– Я так понял, оператор у них канадец, французского происхождения, из Квебека, – ответил столь же тихо шеф, – но патриот своей исторической родины.

– И они канадцы?

– Нет, – шеф поморщился от его несообразительности, – это же Америка, откуда захотели, оттуда и взяли. И вообще, они мне не нравятся. Девчонка заносчивая какая-то...

– Девчонка ничего, – протянул плотоядно Сашка.

– А, – иронично посмотрел на него шеф, – тебе все одно.

Когда он познакомился с камерой и выяснил все детали, Элизабет оглядела Сашку едва ли не с ног до головы, нисколько не смущаясь, словно товар, потом спросила:

– Как мне можно вас называть? Александр? Или просто Алекс?

– Да нет, – ответил ей таким же пристальным взглядом Сашка, – называйте меня просто – Саша.

– Сашья?

Он ухмыльнулся.

– Пусть будет Сашья.

– Мы вылетаем завтра, Сашья, утром, в десять. У нас зафрахтован самолет. За полчаса мы ждем вас здесь. Характер съемки я объясню вам в дороге. Главное – Север должен быть красивым, а не брошенным. Понимаете? Мне не нужен пьяный российский Север. У нас другая задача.

Элизабет произносила слова практически так же, как они пишутся, переводя буквы в звуки. Получалось неплохо и очень даже мило. Даже... беззащитно.

– А как мне вас называть? – спросил Сашка.

– Можете, Лиз, – она обернулась на своих спутников, – а их – Фрэнк и Макс. Годится?

Сашка не ответил, и Элизабет немного дольше задержала на нем взгляд. Потом они распрощались, и Сашка вышел из номера с задумчивым видом. На крыльце гостиницы, пожимая руку шефу, он мотнул головой, как бы возвращаясь в реальность, и сразу спросил:

– У вас пары сотен не будет? Гонорар получу, отдам.

Шеф достал двести рублей и спросил:

– Почему нынче доллар?

– Дорого, – ответил Сашка, потом поправился, – или просто рубль слишком дешев.

– Огромные деньги получишь.

На двести рублей в ночном магазине Сашка купил свой постоянный личный НЗ – бутылку спирта, галеты, кубики бульонные и сухой корм Хану с Моськой. Дома он погладил одновременно две подставленные морды – Моськи и Хана, только тут вспомнил:

– Интересно, а вас куда?

Вообще-то на самый крайний случай оставалась тетка, но уж очень не хотелось ее беспокоить. И так ей «по горло» обязан кругом. Сашка опять достал записную книжку. Сняв телефонную трубку, он посмотрел на часы – двадцать два ноль-ноль. Не так уж и поздно. Где-то далеко, в городской ночи, за одним из освещенных окон раздался звонок и спустя долгие, томительные мгновения Сашка услышал мягкий, до боли знакомый женский голос:

– Алло.

На секунду он испытал сомнение.

– Привет, Ксюша, – как-то виновато промямлил он.

– А-а, – обрадовалась она, – привет. Мне почему-то сегодня весь день казалось, что ты позвонишь.

Сашка покусал губы. Ксюша не выдержала и двух секунд.

– Что у тебя случилось?

– У меня работа случилась, – оправдался Сашка и все так же нерешительно и смущенно выложил ей весь свой «американский» контракт.

– Ой, Саша, – очаровательно сказала Ксюша, – так ведь это же здорово!

– Здорово, здорово, – пробурчал Сашка, – а «собак» своих я куда дену?

– Так давай я за ними присмотрю, – предложила она, – буду заходить до работы и после, хватит?

– Ты что, собак моих не помнишь? Хан в первый вечер все ножки у мебели перегрызет...

– ...а Моська раздерет ковер, – дополнила она, – я помню.

Они помолчали. После Ксюша осторожно спросила:

– Ты хочешь, чтоб я на время твоего отсутствия пожила в твоей квартире?

– Меня же не будет...

Ксюша помедлила. Тишина в трубке давила на уши.

– Ой, да что я думаю, конечно, смогу, – решительно сказала она.

– А родители твои?

– Да что родители? У тебя, может, такой шанс один будет? Собирайся, когда мне приходиться?

– Завтра в девять я должен выйти.

– Спи спокойно. Завтра к девяти я буду.

На следующий день к девяти утра сомнения Сашки не улеглись, а даже где-то обострились. Ксюшу он встретил с бегающими глазами и некоторой суетой в поведении. За прошедший год она явно повзрослела. Сашка старался не смотреть на нее и сразу повел по квартире показывать, где у него кто ест, где ошейники да поводки, где у Моськи туалет...

– Саша, – осторожно остановила она его, – я все помню. Я ведь не первый раз у тебя.

– Тут тетка может прийти вечером...

– Я ее помню.

– Да, конечно, – потерялся тот.

– Так здорово, – оглянулась она вокруг, – ничего не изменилась.

– Родители что сказали?

– Кажется, они не поверили.

– Скандал был?

– Да нет, – она пожала плечами, – так... Поезжай, все будет в порядке.

Самолет, ожидавший съемочную группу в аэропорту, оказался обычным «кукурузником». Вместо колес к шасси были прикреплены огромные лыжи. Самолет стоял отдельно от всех своих собратьев, да и взлетать, судя по всему, тоже должен был отдельно. Основная полоса была вычищена до бетона. Пилот был весьма крупным дядей с добрым лицом полярника, дожившего наконец до пенсионного возраста, и имел самый настоящий арктический вид: летная куртка, брезентовые утепленные штаны, заправленные в унты с рыжим мехом и такая же рыжая пушистая шапка. Он пожал Сашке руку и сказал:

– Меня звать дядя Миша, сынок. Тебе как – дядя Миша? Ты наш?

– Я наш, – признался Сашка.

– Это хорошо, – потеплел дядя Миша, – а вот дамочка, – он кивнул на стоящую в стороне Элизабет, – знаешь как меня называет? Дядья Мишья!

– А меня Сашья, – поделился тот.

– Ах, вот оно что, – брови дяди Миши приподнялись вместе с шапкой, – нам надо держаться вместе. Ты что у них делаешь?

– Кино снимаю.

– Ясно. Тогда, Сашья, забирайся в моего динозавра, скоро летим.

– А вы будете один пилот?...

Брови дяди Миши опять ушли вверх.

– Ты никак сомневаешься?

– Я так, из любопытства.

– Можешь помочь, – брови его остались вверху, уголки рта опустились вниз, – сядешь рядом.

Когда Сашка устроился на месте со своей поклажей, состоявшей из его личного мятого рюкзака, кофра с кинокамерой и двух сумок с принадлежностями к ней, в кабину заглянул дядя Миша, обернулся в салон к иностранцам и негромко, голосом бывалого заговорщика спросил:

– Ты вообще как, мужик бывалый? В Арктике топтался?

– Приходилось.

– Хочешь тайну? – он загадочно улыбнулся, – А то меня всего распирает, рассказать хочется, а этим... чудакам заморским не могу, не имею права. Но ты-то наш!

– Давайте, – беззаботно позволил Сашка.

– Это у «кукурузника» последний рейс, – он таинственно подмигнул и состроил гримасу, что, мол, теперь поделаешь, – понял?...

– Понял. А что тут таинственного? По одному его виду понятно.

– Понятно, да? – дядя Миша едва не обиделся, – а знаешь, что бывает, – он воздел глаза к небу, – что бывает в последнем рейсе?

И ушел.

Сашка задумчиво посмотрел на дверь. Бывает всякое.

Вопреки своему внешнему виду самолет очень быстро набрал обороты, легко заскользил по снегу и ни с того ни с сего взял да и полетел.

Под его брюхом уныло поплыл серый снежный город, за ним светлой извилистой полосой ушла река, мелькнул небольшой, стоящий поодаль посёлок с темной ниткой автодороги и полетела под крылом однообразная белая тундра. Впереди перед ними висело солнце – злое, колючее и холодное. Внизу по снегу бежала от него сверкающая дорожка, почти такая же, какая бывает на воде вечером, с той лишь разницей, что смотреть на нее было мучительно больно. Американцы тут же достали тёмные очки, а Сашка просто отвернулся, что он, «дорожки» не видел? Откинувшись в кресле, насколько это было возможно, он прикрыл глаза и попробовал обдумать предстоящую съёмку. Думалось с трудом. Малочисленные народы Севера превращались в его воображении чуть ли не в исчезающие. Сашку охватила лёгкая дрёма, сопротивляться ей не хотелось.

– Не спи, – услышал он сквозь пелену, – а то вывалишься на вираже.

Сашка приоткрыл один глаз и увидел улыбающегося дядю Мишу, который тут же наклонил корпус вбок вместе со штурвалом и самолет дал крен на правое крыло.

– Меняем курс, – сказал громко на это дядя Миша, – юго-восток! Это хулиганство, понял!

– А зачем?

– Если женщина просит!.. – кивнул он через плечо в салон.

– А как же хребет?

– Ишь, ты! – мотнул головой тот. – Горы – знаешь. Как подлетим – увидишь!

Подлетели к горам довольно быстро. Не успел Сашка еще разок задремать, как увидел проплывающую под ними невысокую сопку. Он глянул в окно – сопки громоздились одна

над другой, дальше на востоке разливаясь в горную цепь. За ними темнел огромной монолитной массой сам «хребет». Даже издали было видно, что хребет не имел ни ущелий, ни, тем более, долин, вырастал из земли как стена, созданная из одного, невиданных размеров, камня. Местные кочевники его и звали – Красный Камень.

Американцы сгрудились возле окна, что-то оживлённо обсуждая, и поочерёдно тыкали пальцем в горный, отвесный массив. Самолет летел прямо на отвесную стену. На ее поверхности не было никакой растительности. Лишь несколько небольших ледников приютилось в громадных трещинах хребта да толстенные каменные «зубья», называемые «болванами», вырастали на вершине Красного Камня. Перед самой стеной самолет сделал вираж и пошел вдоль этой каменной громадины на юг. В местах этих Сашка никогда не был и потому был готов к любому сюрпризу. Очень скоро в горе показался разлом, небольшой, но очень глубокий, ровный по краям. Глубиной он уходил практически в самую середину хребта.

Дядя Миша повел машину прямо в разлом. Когда самолет вошел в этот каменный коридор, дядя Миша торжествующе посмотрел на Сашку и подмигнул – видал? Потом кивнул через плечо – глянь-ка, парень, назад. Сашка обернулся и увидел, что Фрэнк перекрестился, Макс впился глазами в иллюминатор, и лишь бесстрашная Элизабет носилась от одного борта к другому с небольшим фотоаппаратом и щелкала им, прижимая объектив вплотную к стеклу.

Дядя Миша вновь весело посмотрел на Сашку, тот продемонстрировал символическое рукопожатие. Молодец дядя Миша, пусть знают наших! Самолет шел в теснине меж двух отвесных стен. Вокруг было сумрачно, угрюмо и довольно жутковато. Солнце сюда заглядывало редко и очень ненадолго. Внизу, среди разбросанных валунов лежал неестественно синий снег. На стенах снежников не было, только небольшая белая паутинка в скальных трещинках как-то умудрилась зацепиться с одного бока. Впереди синело небо, и угадывался горизонт.

Миновав хребет, самолет вышел из каменной горловины и пошел над белыми остроконечными высотками. Небольшие ложбины между ними были усеяны густой хвойной растительностью. Очевидно, летом здесь вовсю бурлили ручьи и бежали небольшие речки. Вершины многих высоток были щедро утыканы рядами пирамидальных лиственниц. Все вокруг дышало первозданностью и ощущением какой-то затерянности этого снежно-каменного мира. Самолет вновь повернул на восток, и опять перед ними зависло солнце. Горы понемногу мельчали, снега на отрогах становилось все больше. Проплыли внизу два небольших озера, светлыми вдавленными лепешками. С севера на юг пересекала сопки заснеженная лента горной реки. Под ними раскинулась Азия.

Вскоре горный ландшафт отступил и во все стороны потянулась все та же необозримая тундра. Самолет полетел над белой и с виду совершенно безжизненной равниной. Снег, снег, бесконечный снег. Очень быстро Сашка устал смотреть на эту однородную, одноцветную массу кристаллизованной воды, закрыл глаза и, недолго думая, опять уснул. Не помешали ни воздушные «ямы», ни шум мотора. За свою многолетнюю операторскую практику Сашка столько раз бороздил просторы Арктики в вездеходах, вертолетах, самолётах, речных катерах, что уже выработал в себе в ожидании чего-то умение спать в любых условиях. Под монотонный гул мотора спалось всегда спокойно и хорошо. Сашке снились доллары, обращенные в рубли, и рубли, обращенные в продукты. Просто целый, полный холодильник самых разнообразных продуктов. Больше не снилось ничего, одна сплошная еда... Внезапно Сашку дернуло вперед, и холодильник исчез. Он открыл глаза, увидел ту же белую тундру и то же синее небо. Часы показывали полдень. Сашка посмотрел на дядю Мишу и вмиг прочитал на его лице крайнее напряжение. Американцы в салоне по каким-то своим неуловимым признакам тоже испытывали некоторую тревогу. Сашка посмотрел в окно, но ничего противоестественного не увидел. Он проспал чуть больше часа, и, очевидно, что-то произо-

шло... Ровный гул мотора внезапно оборвался, что-то там впереди «чихнуло», и самолет опять зарокотал привычным звуком. Дядя Миша дёрнул нервно головой. Глаза его пробежали по приборам... похоже, сейчас это было столь же полезным, как поводить пальцем по стеклу. Самолет вздрогнул и провалился вниз. Мотор затарахтел очень безалаберно, как бы нехотя, потом вдруг заревел, и машину потянуло вверх, но тут же сквозь рёв двигателя стал пробиваться какой-то посторонний стук, после чего самолет уже явно пошел на снижение. Машина планировала, постоянно проваливаясь в «ямы». Это походило на спуск по невидимой небесной «лестнице». А снег, этот холодный, необозримый и бесконечный снег приближался к ним с каждой «ступенькой», с каждой секундой. Сейчас, неотвратимо, страшно, с какой-то фатальной неизбежностью. Руки людей вцепились во что попало, взгляды не отрывались от занесённой снегом земли, у всех билась одна и та же мысль: «Тундра ровная, сядет самолет на снег, у него и лыжи... дядя Миша посадит... не имеет права не посадить...»

Уже можно было различить, что внизу тундра была довольно холмистая, земля всклокочена огромными кочками. И чем ближе они приближались к ней, тем все очевиднее становилось, что сесть между ними не было никакой возможности. Мотор окончательно заглох, лопасти замерзли. Вокруг стало тихо. Свист ветра за окном да яркое солнце... Самолет зацепил лыжей вершину одного холма, его подбросило вверх с жутким металлическим треском, и за стёклами взлетел вихрь снега. Людей подбросило под потолок, кто-то крикнул, кто-то застонал. Через пару секунд самолет уже планировал на следующую «кочку», казалось, он вот-вот врежется в нее своей тупой «мордой», но машина умудрилась продержаться в воздухе лишнее мгновение, и лыжи вроде как сами сели на снег, самолет скрипнул и легко покати́л вниз по склону этой «кочки». Со стороны дяди Миши донеслось радостное мычание. В салоне послышалось такое же оживление. Но радость была недолгой, хоть «кочки» и кончились и самолет мчался на скорости уже по запорошённой снегом льду небольшого озера. Озеро тоже было крошечным... не озеро, а болото какое-то, не разгонишься. С трех сторон его окружал обрывистый берег, впереди надвигался слоистый каменный утёс. Огромная сила инерции несла их на прибрежные скалы. Перед самым берегом дядя Миша попытался увести машину в сторону, совершив поворот... ничего не получилось. Самолет ударился одним крылом об обрыв, повалился на бок, тут же затрещала другая плоскость, и сопровождаемый жутким треском и хрустом хвост самолёта начало задирать в небо... Машина встала вертикально на мотор, качнулась, секунду простояла и рухнула обратно, пробив снег до самого льда.

Все, что могло передвигаться и летать внутри салона, струдилось возле пилота. В самолёте воцарилась тишина, тишина первого шока. За бортом журчал ручеёк...

– Все живы? – глухо спросил дядя Миша. В ответ прозвучало известное всему миру американское ругательство. Пассажиры зашевелились.

– А как мне определить, живая я или нет? – очень спокойно и трезво спросила Элизабет. Похоже, шока она не испытала и говорила больше для других, чем для себя.

– Руками пощупай, – прохрипел дядя Миша.

– Бобик сдох, – зачем-то сказал Сашка.

Дядя Миша осторожно встал с кресла и, ничего никому не сказав, пошатываясь, вышел наружу. Лицо его было в крови, одной рукой он осторожно смахивал с воротника осколки стекла, другую так же осторожно прижимал к груди. Сашка потрогал свою челюсть, обернулся на американцев – те сидели спокойно, слегка шевелясь и осматривая себя. Элизабет безучастно смотрела в разбитое окно. Похоже, иностранные гости, за исключением разбитых носов и царапин на коже, испытали лишь лёгкий испуг. Сашка поднялся, хрустя стеклом, и вышел за дядей Мишей. Тот стоял рядом с самолётом, бессмысленно и грустно глядел под фюзеляж. Там, мило журча, на лёд вытекало горючее, образуя на нем узоры бледно-розового цвета.

– Надо бы немного набрать, – кивнул Сашка, – может пригодиться... для костра. Посуда есть?

– Что? – вздрогнул дядя Миша. – Ах, да, конечно. Это верно.

И ушел в салон. Распластаный самолет лежал брюхом на разметавшемся снегу. Шасси были сломаны под корень. Покалеченный винт, вернее то, что от него осталось, походил на куцую металлическую фигу. Правое крыло, трещавшее на повороте, обломилось по самый корпус. Левое выглядело не лучше. Вид у машины был довольно жалкий и безнадежный.

По каменным уступам скал Сашка взобрался наверх и осмотрелся. Во все стороны света тундра уходила белым полотном за горизонт. Повсюду были разбросаны вдавленные светлые пятна заметенных снегом озёр да оставшиеся с западной стороны горные отроги. Над головой синело холодное небо заполярной весны и слепило глаза злое мартовское солнце. Загореть под таким солнцем можно, согреться – никогда. Сашка спустился вниз.

Дядя Миша сидел на корточках возле разбитого самолёта и завинчивал крышечки на двух пластмассовых бутылках, доверху наполненных авиационной горючкой.

– Гости не выходили? – спросил Сашка.

Дядя Миша помотал угрюмо головой, зачерпнул горсть снега и обтёр им руки.

– Они там... меня костерят. Красиво! По-англицки.

– С чего ты взял?

– Слышал, – проворчал он, – эта Лизка пищала: «Дядя Миша, дядя Миша!..» Иностранча, сучья порода!

Он еще зачерпнул снег и вытер лицо, потом осмотрелся кругом, словно определяя место нахождения, и, не глядя на Сашку, спросил:

– Как думаешь, сынок, куда двинем?

– Думаю, на север.

– Молодец, – похвалил он, – не сиропишься и думаешь верно. На вот, глянь, – он достал из-за пазухи карту, – я тут прикинул, километров пятьдесят на север есть зимовье на озере... Халембой. Выйти несложно, через реку – не ошибёмся. Озеро большое – рыболовное.

Сашка глянул карту – запад, юг, восток действительно отпадали, везде голая тундра, ничего вокруг. На севере же голубым пятном вокруг зелени, обозначавшей равнинную тундру, находилось озеро, рядом чёрная точка со словом «изба».

– Халембой-то, – прочитал Сашка вслух название озера, – это что-то наподобие «довольно рыбное озеро»?... Что у нас с тобой есть, дядь Миш?

– С собой? – прикинул тот – Да ничего. Тормозок у меня есть. Тулуп овечий старый в салоне валяется...

Он смущенно пожал плечами.

– Ясно, – пробормотал понимающе Сашка, – пойду к американцам. Пусть собираются.

В салоне самолёта он увидел полное решимости лицо Элизабет и рядом по бокам группу поддержки.

– От имени Соединенных Штатов мы заявляем решительный протест вашей авиакомпании и муниципальным властям!..

– Стоп, стоп! – поднял руку Сашка.

Элизабет сразу остановилась.

– Значит, так, – Сашка шмыгнул носом, коснувшись его указательным и большим пальцами, – давай, если мы живы останемся, потом будет протест, декларация и контрибуция. Годится?

– Как живы останемся? – Элизабет изменилась в лице. – Разве?...

– Разве мы не по вашей просьбе изменили маршрут? – воспользовался он информацией. – Искать нас будут много севернее. Когда найдут и... и в каком виде – одному Богу известно. Здесь оставаться нельзя, окна выбиты, заделать их нечем, – он подумал и добавил

от себя, – бак течёт... лёд тает, через час самолет уйдёт на дно озера, связи с материком нет. Андестенд? Собирайтесь быстро. Времени у нас нет. Вопросы?

Американцы молчали.

– Что вы можете нам обещать? – спросила требовательно Элизабет.

– Пообещать могу. Через час чудесное весеннее солнце могут скрыть свинцовые низкие тучи, и здесь на неделю завоюет пурга. Больше ничего.

– И куда мы должны идти? – не унималась американка.

– Полсотни километров на север. Собирайтесь.

Он моргнул им обоими глазами, кивнув при этом головой. Жест этот выражал что-то наподобие – держись, мол, Америка!

Через час пешей прогулки Сашка понял, что пятьдесят километров на север – это будет тяжело и долго. Фрэнк в минуту натёр ногу, Макс тут же вслед сообщил, что у него открылись «старые раны» и в подтверждение сказанному захромал, припадая в коленном суставе на свою правую конечность. Одна лишь Элизабет была неутомима и неуязвима для очередного испытания. За весь час она не проронила ни слова, шла вслед за дядей Мишей, ни разу не обернулась, ни на стонущего Фрэнка, ни на охающего Макса. Сашка шел замыкающим, неся в рюкзаке аккумуляторы и кассеты, а на плече кофр с кинокамерой.

Снег был прочен, как бетон, следы на нем практически не «читались». Белое полотно бескрайней тундры мягкими изгибами перекачивалось с одного подъема на другой, от одного овражистого ручья к следующему. В оврагах, на заметённых руслах, из-под снежного покрова выглядывали разлапистые кусты. Снег был рыхлый, мягкий, с неисчислимыми вереницами куропачьих следов. Кое-где можно было встретить заячью «петлю» и ровную дорожку пробежавшего по своим делам песка. Тундра жила здесь так же, как и тысячу лет назад – ровно, холодно и спокойно. Как и тысячу лет назад поднималось на южной стороне солнце. Морозное, стылое, мартовское солнце. Под солнцем снег искрился, переливался, создавая приветливый северный экзотический пейзаж. Хорошо на него смотреть из кабины или салона тёплой машины.

Дядя Миша шел, набросив на себя старый длинный овечий тулуп, что залежался в самолёте, уложив в карманы пластиковые бутылки с горючим, и издали походил на горца в потрёпанной бурке. Он шел неторопливо, чуть ли не медленно, явно щадя прихрамывающих Фрэнка и Макса. Иногда озирался по сторонам, словно пытаясь узнать окружающую местность. Но она, увы, была везде одинаковая – белая, белая и белая.

Часа через три маленький отряд остановился. Точнее, остановил его дядя Миша, а остальные остановились автоматически. Макс тут же сел на снег и принялся осторожно массировать больное колено, Фрэнк снял обувь и внимательно ее изучал, пытаясь найти причину неудобства. Сашка подошел к дяде Мише.

– Привал? – он снял с плеча камеру.

– Да нет, – дядя Миша посмотрел назад, – смотрю, верно ли идём...

– Верно, – выдохнул Сашка, – я иногда контролирую.

– У тебя компас есть?

– Я по солнцу... и по часам, – Сашка обнажил запястье, – по циферблату.

– Лихо, – усмехнулся дядя Миша, – а верно?

– Не сбивался еще, – тоже оглядывался Сашка.

– Голь на выдумки хитра, – донеслось от Элизабет.

Дядя Миша и Сашка переглянулись.

– Видал, как шпарит? – улыбнулся беззлобно дядя Миша.

К восемнадцати часам, когда солнце садилось, горизонт заливался оранжевым светом, а в другой стороне небо начинало меркнуть, группа порядком уставших людей вновь остановилась. Через два часа наступит ночь. Она будет не из коротких – с шести до шести. Вполне

вероятно, может задуть ветер и даже подняться метель и уж, без сомнения, на все двенадцать часов, а то и более, температура понизится на десяток градусов. Надо было думать о ночлеге.

– Ровно все, – печально заключил дядя Миша, – не приткнёшься. Хоть яму рой.

Американцы промолчали. Элизабет сняла свои тёмные очки, чудом уцелевшие при посадке, и тяжело взглянула на Сашку, как бы ожидая от него решения. Фрэнк и Макс, позабыв о своих болячках, бессмысленно смотрели то на снег, то на уходящее солнце. День закончился. Впереди была ночь. Морозная, совершенно не предсказуемая ночь.

Сашка снял рюкзак, поставил рядом кофр с камерой. Осмотрев совершенно спокойно своих спутников, ровно спросил:

– Ножи у кого есть?

Американцы помотали отрицательно головами. Дядя Миша достал небольшой складной ножик, показал Сашке:

– Такой подойдёт?

Тот вздохнул громко, развязал рюкзак и вынул оттуда охотничий тесак чуть ли не в локоть длиной.

– Вот такой пойдёт, – негромко сказал он, вынул тесак из ножен двумя пальцами и с уровня груди отпустил – нож вошел в наст лишь наполовину. Сашка опустился на колени, взялся за ручку ножа и вырезал в снегу кубик размером полметра на полметра. Аккуратно вонзил по бокам ладони и достал кубик снега наружу.

– Дядь Миш, – Сашка посмотрел на него, – будешь такие вот кубики нарезать. Учиться некогда, так что старайся. А вы троём будете их ко мне носить.

Сашка поднялся, оглядел ближайшую местность.

– Сюда вот носить будете, – кивнул он, посмотрел, как реагируют американцы, и договорил, – снежную иглу¹ будем строить, эскимосскую.

И ушел с кубиком снега на место, что определил. Там громко сказал:

– Времени нет. Начинаем сразу.

На месте построения ледяного жилища, Сашка протоптал круг диаметром около трех метров, прикинул в какую сторону делать вход-выход и аккуратно положил в круговую борозду первый снежный кирпич. Уложенные по кругу такие кирпичи должны были по каменным уступам прибрежных скал на высоте человеческого роста образовывать купол, держась друга за друга. Если после постройки иглу внутри зажечь что-либо наподобие паяльной лампы или крошечного костерка из сухого горючего, то внутренняя сторона снежных стен подтаивает, иглу как бы спрессовывается и может выдержать любую пургу, любой по силе ветер. Температура в ней достигает плюсовой. Сашка много раз с друзьями участвовал в построении таких снежных домов, но сам лично стены не возводил никогда. Однако учиться времени не было. Дядя Миша, стоя на коленях, аккуратно вырезал кирпич за кирпичом, американцы носили их к Сашке. Все происходило в абсолютной тишине. Лишь скрип снега да изредка чье-то сорвавшееся дыхание. Солнце уходило. По горизонту разливалась заря. Заря была светлая, сильного мороза не ожидалось. Севернее заката зажглась на небе первая звезда. «Звезда» была планетой Юпитер.

За два часа работы Сашка возвёл стены и уже принялся заводить купол. Иглу получалась хоть и не очень ровная, но, похоже, крепкая и устойчивая. А посреди голой, пустой тундры вообще выглядела как дом.

Дядя Миша, ползая на коленях, истоптал площадь в несколько десятков квадратных метров, резал кубики быстро, автоматически. За все время от него лишь один раз донеслось что-то наподобие: «снегу наколупал, ровно олень на пастбище».

---

¹ Иглу – эскимосское жилище изо льда, или снега, вырезанного из наста, строится куполом, похожа на юрту, ударение в слове на первый слог.

Американцы работали методично, равномерно, как три призрака, безмолвно перемещаясь от дяди Миши к Сашке и обратно. Минута за минутой, кирпич за кирпичом, взрез снега ножом, скрип под ногами, монотонное, чуть хрипловатое на морозе дыхание, тающий на глазах свет, темнеющее небо и уже взошедшая, еще жёлтая, большая и пока бесполезная над горизонтом луна.

Не успела луна набрать полную силу, как Сашка вышел из снежной «юрты», осмотрел ее со всех сторон, прорезал аккуратно отверстие сверху, для выхода гари от огня, кое-где подмазал неровности на стенах, похлопал довольно рука об руку и оглянулся на своих помощников. Дядя Миша встал с колен, американцы остановились.

– Готово, – как можно радостнее улыбнулся Сашка, – можно ночевать.

Улыбки никто не увидел, Элизабет бросила очередной «кирпич», стряхнула с себя снег и молча вползла в иглу. Фрэнк и Макс последовали за ней. Дядя Миша подошел к Сашке и тихо сказал:

– Устали они... непривычные. Пойдём?

Они внесли внутрь свою поклажу и вползли сами, причём тучный дядя Миша едва пролез, слегка расширив собой вход-выход. Внутри иглу было темно, едва угадывались контуры людей, однако, словно сговорившись, все уселись на снег по кругу возле стен. Дядя Миша плеснул в какую-то срезанную узкую посудину наподобие пластиковой бутылки горячее, бросил туда тряпку, поставил в центр и поджёг. Иглу озарилась красноватым светом, огонь выхватил измождённые лица, не выражавшие ничего, кроме усталости и безразличия.

Сашка взял свой тесак и быстро отхватил от старого тулупа, что нёс на себе дядя Миша, оба рукава. После распорол их вдоль, получилось два маленьких коврика. Один отдал Макс, другой Фрэнку.

– Это под себя, – пояснил он, – а остальной тулуп под барышню. Приподнимись, – попросил он Элизабет.

Усадив иностранцев, он оглянулся на дядю Мишу, тот мгновенно среагировал:

– У меня меховые штаны. Сам-то как?

Сашка перевернул на бок кассетницу от кинокамеры и сел на нее как на большую коробку. Часы показывали двадцать ноль-ноль. Впереди было еще десять часов полной темноты, ночного особенного холода и утомительной борьбы со сном. Он – все одно, сморит каждого. Каждого в свое время – кого сразу, кого – через час, кого – под утро. Первым будет мучительнее всех. Борись потом с постоянно падающей головой, слипающимися глазами, затекающими конечностями и пробирающим насквозь ознобом. Человек во сне да под снегом остывает быстро.

Первое время они сидели молча, попеременно протягивая руки к огню, хотя никто еще не успел замёрзнуть. Это было интуитивно. Плошка с горячим слегка коптила, дым волнистыми линиями поднимался к куполу и там вырывался лёгкими, сизыми хвостами наружу, внутри иглу разливался специфический аромат авиационного топлива. Макс что-то быстро шептал себе под нос, сложив руки у пояса в замок. Дядя Миша легонько толкнул Сашку локтем в бок, стараясь привлечь его внимание.

– С ним все в порядке, – внезапно сказала Элизабет, даже не подняв на них глаза, – Макс читает вечернюю молитву.

– А что он ее втихаря читает? – спросил дядя Миша. – Читал бы вслух.

– Когда говоришь с Богом, совсем необязательно кричать, – ответила она.

– Скажи ему, пусть и за нас помолится, – проворчал дружелюбно дядя Миша, повернулся к Сашке, – тормозок, когда съедим?

Тормозок оказался тремя бутербродами с маслом и колбасой. Поначалу один бутерброд хотели целиком отдать Элизабет, а два других разделить между мужчинами, но Элизабет наотрез отказалась от своей женской привилегии и потребовала разделить поровну между

всеми. Трапеза оказалась очень короткой и молчаливой. Каждый пытался за три укуса обмануть себя, свой организм и пустой желудок. Не получилось ни у кого. Все пятеро остались практически голодными. О взятом НЗ Сашка промолчал, неизвестно, сколько еще по тундре бродить.

Сохранилась ли изба на благословенном озере Халембой – никто не знает. А если и сохранилась, кто поручится, что там может быть запас хоть чего-то съестного? Крупы да сухарей, например. О людях, о рыбаках... даже и мечтать не надо.

Ночь выдалась тихая. Луна набрала силу, поднялась в зенит и через небольшую дыру в потолке иглу была видна часть тёмного небосвода, облитого ее светом. Пламя огня в плошке слегка покачивалось от дыхания людей, черные тени за их спинами дрожали и дёргались. Огонь был слабым, но честно и добросовестно грел протянутые к нему руки. Сидеть на снегу, мягко говоря, было не очень удобно. Американцы устроились на своих ковриках по-турецки, скрестив под собой ноги, Сашка ёрзал на кассетнице, а дядя Миша вообще прилёг на бок, облокотившись плечом о снежную стену. Вход закрыли кофром с камерой и рюкзаками. Понемногу температура стала повышаться.

– Когда будет рассвет? – негромко спросила Элизабет, не поднимая глаз от огня.

– После шести утра, – столь же тихо ответил Сашка.

Элизабет посмотрела на часы, помолчала и вновь поинтересовалась:

– Мы спать не будем?

– Как сможем. Если выдержите, не спите часов до двух-трех ночи. Меньше вероятности простудиться.

– Только простудиться?

Сашка горьковато усмехнулся.

– Живы, конечно, останемся... – он запнулся, – если волки не съедят.

Американцы подняли головы.

– Есть вероятность, что на нас нападут волки? – спросила тревожно Элизабет.

– Бывает. Здесь все бывает. Забрёт какая-нибудь стая... с «дикого запада».

– У нас нечем защищаться? – совершенно ничего не услышала Элизабет. Сашка помотал головой. В иглу повисла тишина. Очень нехорошая, зловещая, чёрная тишина человеческого напряжения от внезапно появившейся опасности. Страх стоял рядом. Американцы, как сговорившись, подняли на Сашку глаза. Про стаю Сашка не врал, и все это поняли. Дядя Миша не проронил ни слова.

– Да ладно вам, – спохватился Сашка, – волки ночью спят.

Тут же понял, что сморозил глупость и быстро добавил:

– Да и весна уже. У них сейчас брачный период. Им не до нас.

Поверили американцы или нет, осталось неизвестным, но руки, протянутые к огню, шевельнулись разом, и ощутимая обречённость незаметно растаяла. Дядя Миша приподнялся на локте и поведал назидательно:

– Я двадцать пять лет отлетал в тундре. Волки зимой всегда возле оленей держатся. А оленей здесь на сто вёрст не сыщешь.

Это сообщение почти полностью успокоило американцев, лица их смягчились.

– У вас есть какой-нибудь план на завтра? – спросила Элизабет.

Сашка только сейчас понял, что не замечает ее лёгкого, скользящего акцента. Похоже, к выговору по мере общения с человеком, привыкаешь так же, как к походке, и такая деталь в разговоре даже становится какой-то неотъемлемой индивидуальной особенностью.

– План один – добраться до озера Халембой. Там должно быть зимовье.

– Зимовье?

– Избушка... дом.

– Дом, – Элизабет хотела обрадоваться. – Там есть связь?

Сашка тяжело вздохнул.

– Хорошо, если там хоть печка целая.

– Было бы неплохо, если бы там были рыбаки, – донеслось от дяди Миши.

На том разговор и закончился. Американцы, как по команде, опустили головы, очевидно рассуждая, отчего в России на охотничьих и рыбачьих заимках рушатся печки?...

За стенами иглу, над тундрой, лежала полная ночь. От горизонта до горизонта распростёрлось чёрное небо с неяркими переливающимися точками звёзд, а над самой южной стороной, набрав высоту, сияла луна, заливая вокруг себя светом чуть ли не половину небосвода. Снег уходил под всей этой красотой в необозримую даль тундровой ночи. Там он чернел, сливаясь с небом, незримо и неразличимо чёрное уходило в чёрное, земля соединялась с космосом и, казалось, низкие звезды своими лучами касаются ее краёв. Тишина стояла необыкновенная.

Время шло медленно. Слабый огонь едва успевал согреть иглу. Раз от разу дядя Миша, кряхтя, поднимался с очередного отлёжанного бока, добавляя в плошку горячее, и, так же кряхтя, заваливался обратно. Элизабет долго сопротивлялась усталости, но, в конце концов, свернулась калачиком на своем меховом коврикe, поджав ноги к самому подбородку. Макс уткнулся в сложенные руки на коленях, а Фрэнк откинулся на снежную стену и единственный, кто спал, потому как сопел столь громко, протяжно и старательно, что колыхалось пламя огня. Сашка не сомкнул глаз ни на секунду. Он знал, что не сможет сейчас уснуть, он вообще мог не спать по трое – четверо суток, совершенно не теряя при этом энергии, пока какая-либо экстремальная ситуация не разрешалась благополучным исходом. Потом он, конечно, уснёт, уснёт где угодно: на снегу, на полу, в холоде, в жаре... Организм выдохнется, и он отключится. Он обычный человек без спецподготовки. Он знал свои возможности и потому не должен был израсходовать их до того времени, когда условия для людей станут безопасными. В тундре для него это был закон номер один. Героизма при этом Сашка не испытывал.

Часа за два до рассвета проснулись все – и кто спал, и кто безуспешно пытался это сделать или просто убедить себя в том, что спал. Проснулись от холода. Сидеть, а то и лежать на снегу, пусть даже под вами овечий тулуп, все одно – зябко. Скованный, недвижимый человек замерзает очень быстро. Маленький огонёк, плясавший всю ночь посреди иглу и заботливо поддерживаемый дядей Мишей, был единственным островком тепла и возможности продержаться столь долго в утомительной полярной ночи.

Элизабет села на колени, посмотрела на Сашку и передёрнула плечами:

– Холод собачий. А вы, Сашья, совсем не спали?

Он помотал головой.

– И не хотите?

Сашка мотнул еще раз.

– Это правильно.

Сашка согласно кивнул.

– А почему вы молчите?

– Берегу силы.

Элизабет потянулась, как кошка, запрокинув голову и вытянув в стороны руки, тут же вновь передёрнулась и обхватила себя за плечи.

– У нас небо зелёное, – сказала она просто.

Сашка глянул вверх в отверстие купола иглу, глянул хитровато на замёрзшую Элизабет, схватил ее крепко за руку и потянул за собой, едва не опрокинув плошку с огнём.

– Быстро выходим, – скомандовал он, отодвигая камеру от входа и выбираясь из иглу наружу.

– К-куда выходим, – запищала она, – там холод собачий!

– Сейчас согреешься, – бросил он на ходу и выдернул ее из иглу.

Над тундрой полыхало северное сияние. Оно раскинулось на полнеба, было зелёным и немного волнистым. Если приглядеться, можно было заметить, что волны эти изредка перекачивались друг на друга. Сквозь сияние мерцали звезды, мерцали обычно, неброско, даже бледновато, по-северному. Сашка, недолго думая, заставил Элизабет прыгать вокруг себя, что выглядело довольно глупо и по-ребячьи смешно в такой экзотической ситуации. Потом взял девушку под локотки и подбросил пару раз вверх, что вызвало у Элизабет небольшой взрыв веселья, она даже завизжала.

– Теперь ори что-нибудь! – приказал он, прихлопывая ее по плечам и рукам.

Она вскинула на него глаза, и Сашка увидел в них отражение луны – дьявольщина какая-то.

– Как это – ори что-нибудь? – поинтересовалась Элизабет с американской деловитостью.

– А так... ори и все тут!

Она замешкалась, ее взгляд метнулся вниз, пронёсся по тёмному снегу.

– И что мне орать?

– Ори... – Сашка подумал, – мир, я люблю тебя!

Элизабет тоже подумала.

– Не хочу я это орать, – сказала она, – я вообще ничего не хочу.

– Вот же, чучело, – пробормотал Сашка, подхватил Элизабет на руки в один миг и пару раз прилично подбросил вверх.

– Сашья! – заорала во все горло та. – Ненормальный! Уронишь!..

– Наконец-то, – ответил он, опустив ее на снег, – теплее, правда?

– Русские шутки? – несколько в замешательстве спросила Элизабет.

– Глянь на небо, как играет.

Северное сияние начало колыхаться. Едва заметные волны превратились в длинные хвосты и разливались по небу во все стороны.

– В твоём Нью-Йорке есть такое?

– Нью-Йорк южный город, Сашья. Там нет такого, там есть многое другое. А что вы... ты... так радуешься?

– Жизнь люблю.

– Мило, – посмотрела она ему в глаза, – и вовремя.

– Ты вокруг оглянись... «америка».

– Вы с ума посходили, вопить так ночью, – вылез из иглу на четвереньках дядя Миша. Поднялся на ноги, похлопал себя по бёдрам, попрыгал чуть и разрешил, – а впрочем орите, все веселее.

– А вы тоже крикните, – посоветовала Элизабет, – теплее будет...

– Прямо. Уже жара вокруг от меня пошла! Сейчас раздеваться начну. Ты, девочка, куда смотреть будешь?

– Зачем смотреть? – не поняла Элизабет.

– Затем, – проворчал дядя Миша и скрылся у нее за спиной, – надо мне тут недалеко пописать. Не оборачивайся, а то в обморок бухнешься.

Сашка весело фыркнул, а Элизабет пожала плечами. Чтоб никуда не смотреть, она запрокинула голову и рассматривала удивительную картину, нарисованную природой. Сияние как будто только и ждало этого – начало вовсю колыхаться, играть, перестраиваться. Длинные хлысты его то сворачивались, то медленным «ударом» кнута простирались поперёк всего неба.

– Такое редко бывает, – сказал Сашка, – чтоб почти на все небо.

Сияние тут же свернулось, как по команде, и ушло к горизонту, там поиграло чуть-чуть и пропало совсем.

– Эй, ты куда? – сказала ему вслед Элизабет. – Оно всегда у вас зелёное?

– А в Америке оно жёлтое? – съехидничал Сашка.

– В Канаде я видела еще и красное.

– Бывает и красное.

– А вон Полярная звезда, – ткнула пальцем в зенит Элизабет, – а вон... Большая Медведица, а вот рядом что – я не знаю. Ты знаешь?...

– Где? – подошел Сашка вплотную сзади, склонил голову к ее плечу, коснувшись своей щекой ее вязаной шапочки.

– Да вот, чуть пониже Полярной, – сказала она, обернувшись к нему. Сашка взял руку Элизабет в свою и провёл ею по небу сверху вниз.

– Если вон то, – сказал он, – то это Приполярная.

– Ой, как интересно, – чуть ли с неподдельным восхищением сказала она.

«Кокетничает», – подумал Сашка. Выпустил ее ладонь демонстративно легко и зачем-то, совсем, в сущности, ни к чему, вспомнил Ксюшу. Настроение мигом изменилось. Игривость исчезла.

– Воркуете? – прошёл обратно в сторону иглу дядя Миша. – Голуби тундровые, куропатки учёные.

– У вас небо другое, – сказала Элизабет просто.

– У нас его просто больше, – ответил Сашка уверенно-нахально и глянул на американку сверху.

Светало медленно. Почти незаметно. Небо светлело с восточной стороны, разбавляя черноту густой синевой. Потом от горизонта до горизонта синеву растворяло белёсой полоской, уводя ночь, гася звезды и прогоняя сумрак на запад.

Рассвет на севере всегда долгий, такой долгий, что и ждать устаёшь. Иногда даже не поймёшь – то ли уже светло, то ли еще темно. Причина тому – снег. От горизонта до горизонта один снег... белое все. Через час из иглу один за другим вылезли Макс и Фрэнк, чуть погода в снежном проёме показалась большая голова дяди Миши. Дядя Миша сразу сказал, как определил:

– Воркуете всё? Дружба народов.

Макс и Фрэнк, стуча зубами, носились вокруг иглу галопом и трясли задами в прыжках не хуже австралийских кенгуру. Макс что-то бормотал себе негромко под нос, чем сразу вызвал неподдельную заинтересованность дяди Миши.

– О! – крикнул он ему. – Макс читает утреннюю молитву! Про нас не забыл, а?

Макс не ответил. Фрэнк остановился и спросил осторожно:

– Вы атеист? – понять его произношение было столь трудно, как почти невозможно.

– По-русски спрости, – попросил дядя Миша.

– Он спрашивает, верите ли вы в Бога? – подсказала Элизабет.

– Я, сынок, – ответил ему дядя Миша, – полвека в коммунизм верил... и строил его вдобавок. Понял меня? Нет. Тогда скажу тебе по-англицки: ночь ты продрых в российской гостинице, а за постель ни гроша не взяли... а?... Понял теперь что такое коммунизм по-русски?

– Это... гостиница? – не поверил Фрэнк.

– А как ты думал? – сощурился на него дядя Миша. – Ты сопел всю ночь без «задних» ног, а я тебе огонь держал...

– Без каких ног? – переспросил Фрэнк.

– Он серьезно? – спросила Элизабет у Сашки.

– Русский юмор, – ответил тот, усмехаясь.

– Что, товарищи, остановились? – обратился дядя Миша к американцам. – Бегайте, бегайте. Я пока за вами белье соберу. Трясуны американские. Го-ости заморские!

Когда на востоке погасли первые звезды, маленький отряд выстроился перед иглу. Элизабет достала фотоаппарат, все переснимались в полумраке под дерзкими лучами вспышки, и ушли дальше на север. Там, выше по широте, должна была стоять изба, а в ней должны были находиться рыбаки – единственная надежда, потому что Халембой-то так и переводится с местного наречия – «довольно рыбное озеро».

Иглу оставалась позади. В пути кто-нибудь обязательно оборачивался, раз от разу назад и смотрел на свое ночное пристанище. Человек всегда нелегко расстаётся со своим ночлегом в такой ситуации, пусть даже и с холодным ночлегом. Неказистая постройка уменьшалась на глазах, пока совсем не превратилась в маленький белый холмик, в конце концов растворившийся в бесконечном снежном поле. Вокруг стало совсем одиноко.

Появившееся солнце немного смягчило состояние затерянности, но особой радости не прибавило. Мысли о полярных волках преследовали каждого. Каждый незаметно смотрел вокруг, каждый вглядывался в далёкий снег, каждый вспоминал вчерашний разговор, представлял голодную стаю и внутренне содрогался. Однако вслух об этом не говорил никто. По дороге ни стонов, ни жалоб на неудобную обувь или старые раны не раздавалось.

Перед выходом Сашка очень доходчиво объяснил всем, что, если не дойти до озера в один переход, не пройти оставшиеся... сколько там километров... сдохнем все. Строить еще одну иглу к вечеру сил не будет, ночевать на открытом снегу – скорее всего, замёрзнем, потому как никто не даст гарантию, что к вечеру мороз не усилится. Кто не хочет сдохнуть, должен идти вместе со всеми и терпеть все, что на них может обрушиться в пути. Жаловаться некому, медперсонал отсутствует, вокруг снег, волки, россомахи, холод и... то, что из всего этого вытекает. Больше ему сказать нечего, надо просто попробовать выжить.

Первым опять пошел дядя Миша. Сашка попросил его не торопиться. Если изба на озере цела, они успеют дойти до нее и в полшага. Главное – под вечер не проглядеть. Обычно такие строения к весне заматывает по самую крышу.

Ближе к полудню солнце перечертило небосвод, переместилось на южную сторону и «грело» в спину. С северо-востока дул слабый ветер, совсем не ощутимый при ходьбе. Пару раз в синеве неба показывалась полярная сова. Люди, не останавливаясь, на ходу поднимали головы и любовались грациозным полётом птицы. Элизабет умудрилась успеть достать свой фотоаппарат и сфотографировать ее, пока северный небесный хищник не уплыл в сторону. В некоторых местах снег был просто испещрён норками леммингов и многочисленными вереницами их следов. На этом твёрдом насте они были видны в виде россыпи точек от коготков их лапок. На Севере, в Сибири такой наст называют убойным снегом. В него не проваливаются ни колеса машины, ни гусеницы тяжёлых тягачей. Под зимними морозами снег прессуется в бетон.

Сашка озирался в пути каждые пять минут. Шел и думал – это как же им повезло! Так везёт раз и на всю жизнь: самолет умудрился чудом сесть на склон холма, чудом не разбился о скалы, чудом не загорелся при повороте, они переночевали в иглу, которую построили сами, хотя никто из них этим никогда не занимался. А еще не ударил мороз под сорок и ниже, не завывла пурга, ветер и тот стих, не дует, под Богом идут...

– О чем вы сейчас думаете, Сашья?

Он поднял голову и увидел остановившуюся Элизабет. Она ждала, когда они поравняются и пошла рядом с ним.

– Думаю, как хорошо, что мы не упали в джунглях.

– В джунглях? – чуть не рассмеялась она – В джунглях я бы вытащила вас всех в два счета. Я пять лет проработала в Восточной Африке, корпункт «Найроби».

– И вас не сожрали крокодилы?

- Нет. Меня хотели сожрать браконьеры.
- Что – никак?
- Никак, – вздохнула она и несколько задумчиво доложила, – одному я прострелила плечо навывлет, другому голову... навывлет.
- Вы, Лиз, так ровно называете оба эти органа...
- Результат, Сашья, один. Оба... как там? Сдохли.
- В плечо? – не поверил он.
- А пуля такая в автомате... дум-дум, в плечо вошла, а лопатку выбила.
- Весёлые воспоминания.
- Вам их жалко?
- Трудно сказать.
- Они бросили в меня гранату. Она попала в дерево... в дырку... в дупло в самом низу дерева, понимаете?... Когда взорвалась – дерево рухнуло, мне придавило левую руку... я стреляла с одной руки, как из пистолета... попала, – она помолчала и потом как вспомнила, – этот автомат был, знаете, какого производства? Правильно – российский. Хорошее оружие.
- Откуда вы так хорошо знаете русский язык?
- Я шпиёнка, – улыбнулась она, смотря на снег.
- Так вы после джунглей на север?
- Год работала на Аляске. Пробовали международный проект «Белый медведь».
- Медведей видели?
- Видела. Один раз. Они жёлтые. Такие – бледно-бледно-жёлтые.
- Экология плохая?
- Элизабет пожала плечами.
- Не знаю, может у них окрас такой. Я мало их видела. Моё дело не за медведями гоняться, а с людьми разговаривать. Гонялся оператор.
- Жив остался?
- Он сейчас в вашей клинике, – чуть не рассмеялась она.
- Тогда – вопрос спорный, – повернулся к ней Сашка.
- Как спорный? Шутите?
- Шучу, – спокойно ответил он, – но с голодухи прикончить могут. Любишь его?
- Конечно, – она посмотрела на Сашку очень внимательно, – он ведь муж моей сестры.
- Ах, вот как, – сказал Сашка и пробормотал что-то наподобие «семейный телевизионный подряд».
- Потом остановился, как в очень нужном месте, оглядел горизонт и, поправив на плече кофр с камерой, пошел дальше, смотря под ноги. Элизабет все эти секунды стояла молча рядом и ждала, когда эта процедура окончится.
- Что будете делать, когда «их» увидите?
- Кого?
- Кого... волков ваших полярных.
- Да ничего особенного. Выдам каждому по напильнику.
- Не понимаю. Зачем нам всем по напильнику?
- Зубы точить будем... каждый сам свои...
- У Вас, Сашья, шутки дурацкие.
- Ого, – только и сказал Сашка.
- Элизабет ушла вперёд. Сашка догнал ее через несколько шагов.
- Я так говорю, потому что в это не верю, – примирительно сказал он.
- Не верите? – Элизабет вновь остановилась, внимательно посмотрела на него. – Почему? Хотите сказать что-нибудь ободряющее?
- Нет, просто не верю. Думаю об этом и этого не вижу.

- Вы обладаете таким даром?
- Не знаю. Но когда я что-нибудь не вижу, того и нет.
- Неплохо, – похвалила уже весело Элизабет, – а что вы видите?
- Халембой.
- Озеро?
- И еще избушку... на курьих ножках.
- Русские сказки, – как самой себе сказала Элизабет, – а еще что?
- Пойдёмте, – предложил он и зашагал, догоняя остальных, подхватив на первых шагах Элизабет под локоть.
- Так и все же? – на ходу переспросила она.
- И все же?... Думаю, там жить придется. Не боитесь?
- Что я должна бояться? – довольно пренебрежительно спросила она. – Голода? Смерти? С ума сойти?...
- Да вообще, – несколько абстрактно проговорил он.
- Вы служили в армии?
- Конечно.
- Проходили курс на выживание?
- В моих войсках этого не было.
- Ясно. Вы просто любитель острых ситуаций.
- Почему?
- Раз вы знаете, как строится эскимосская иглу. Нож у вас, как у настоящего охотника за пушниной.
- Я и есть охотник.
- Убиваете зверей?
- Бывало.
- Нравится?
- Когда хочется есть.
- Перебои со снабжением? – улыбнулась она.
- Перебои с работой.
- А где вы работаете?
- До вас нигде, а до «нигде» – на телевидении.
- Жалеете, что ушли?
- Я не ушел, – просто сказал Сашка, – меня «ушли».
- Вас ушли? За что? – неподдельно удивилась та.
- За пьянство.

Солнце медленно тянулось к западу. Тундра была белая, как лист бумаги. Пространство было настолько безжизненным, что напоминало пустыню – ни песцов, ни зайцев, ни куропаток даже. Ничего вокруг. Мышиные норы да совы летающие.

Уже к вечеру они вышли к руслу заметённой узкой реки с высоким, густым кустарником по берегам. Снег на реке был мягкий. Все заросли кустарника были исхожены куропатками, пара спугнутых стай затрещала крыльями столь громко, что люди опешили и остановились. Тут же Сашка увидел ровную «дорожку» песка, рядом другую, ее пересекала заячья «петля». Волчьих следов, этих четвероногих «санитаров», видно не было. Может, и вправду повезёт?... Американцы охали, ахали, тыкали пальцами в следы и что-то лопотали на своем американском языке. Дядя Миша подошел к Сашке и негромко произнес:

- Еды, похоже, навалом. Было бы, чем ее ловить.

Сашка кивнул, не останавливаясь. Понемногу он выдыхался. Камера, рюкзак, кассеты, аккумуляторы, прочие принадлежности – килограмм шестнадцать будет. Перейдя реку, они поднялись на невысокий, но крутой берег и пошли дальше по такому же привычному убой-

ному снегу, по нескончаемому тундровому подъёму, уходящему куда-то в небо. Сашка все чаще стал сверять часы с солнцем. Дядя Миша постоянно доставал карту. Американцы хромали необыкновенно, Элизабет молчала и шла последнее время как заведённая – ничего не видя, ничего не слыша.

Солнце сидело на самом горизонте, нижний край его уже опускался за далёкую земную кромку, когда люди вышли на подъем... Дальше раскинулась та же тундра. До ночной темноты оставалось чуть больше часа. Светло-жёлтая луна зависла напротив. День уходил на запад, с востока на них шла ночь. Длинная, тёмная и холодная ночь, с таким же холодным, неконтролируемым человеческим ужасом. Люди с тоской посмотрели на солнце. Солнце таяло. Перед ним лежала тундра, тундра, тундра. Сашка снял шапку и тихо сказал:

– Пришли.

Дядя Миша тут же заглянул в карту и даже поводит по ней пальцем.

– Куда? – выдохнула Элизабет.

– Халембой, – ответил Сашка – вы, что хотели увидеть? Голубую гладь воды в окружении седовласых гор, что отражаются снежными шапками?...

– Так, где же озеро? – смотрела перед собой вниз с подъёма Элизабет.

– Вон внизу кромка снега тёмного, видишь? С километр.

– Кромку вижу.

– А больше ничего и не увидишь. Озеро под снегом, другая сторона за горизонтом...

– А дом? – дрогнул голос у Элизабет.

– Дом? – удивился Сашка. – Так вон же собачья конура с двумя окнами...

– Конура? – переспросила она.

– Он пустой, как мертвец, – сказал дядя Миша.

– Ничего, – Сашка приободрился, – был бы цел да печь работала.

Озеро, действительно, ничем на первый взгляд не отличалось от тундры – низкий берег, кое-где даже не тронутый снегом, столь же крепкий наст на поверхности льда, все одноликое, унылое, безжизненное. Дом стоял недалеко от озера и представлял собой сборно-щитовое строение с полувековым стажем. В нем было две комнаты: в одной находились нары, сколоченные от стены до стены, стол с ножками крест-накрест, две чудом сохранившиеся табуретки, сварная железная печь, лавка рядом. В другой комнате ничего не было, кроме мелкого мусора, некоторого количества дров, разбросанных кусков угля, досок, мятого таза и такого же мятого ведра. Самым ценным, что сразу нашел Сашка, была едва начатая пачка соли, находившаяся в совершенно целой кастрюле с оторванными ручками. На всем лежала печать запустения и одичания домашней утвари. По обеим сторонам входной двери, ко всеобщему удивлению, имевшей засов, находилось два окна – одно чудом сохранило латаные – перелатанные стекла, другое было заколочено досками и затянуто плотным полиэтиленом двадцатилетней давности.

– Занимайте места, – объявил Сашка, когда все осмотрелись, и задвинул всю аппаратуру под нары вместе со своим рюкзаком. После внимательно осмотрел печь, заглянул внутрь, тихонько сказал что-то самому себе и вышел наружу. Через минуту, за которую остальные еще не успели, как следует осмотреться, Сашка появился с огромным ржавым цилиндром в руках.

– Хорошо, хозяин крышкой трубу закрыл, – сообщил он, – будем пробовать.

– Можно я? – внезапно спросил дядя Миша. – Огонь – моя страсть, из меня всегда был хороший костровой на пикниках. Дай-ка мне свой тесак, Сашка, в той комнатёнке дровишки есть. Пойду, постругаю.

Отдав дяде Мише свой нож, Сашка взял кастрюлю без ручек и вышел наружу мыть да чистить. Американцы сидели на нарах, тупо наблюдая за всеми этими хозяйственными приготовлениями. Весь вид их говорил: а зачем это все?... Обойдя дом, Сашка нашел один

не заметённый угол, похоже, находившийся на продувном месте, разгрёб лёгкую припорошь и бросил горсть песка и мелкой гальки в кастрюлю. Вернувшись к крыльцу, он увидел Элизабет. Она протянула руку к кастрюле и устало, но твёрдо произнесла:

– Давайте, Сашья, я вымою.

Он остановился в нерешительности.

– Да тут скоблить надо... – начал он как бы в оправдание. Элизабет довольно энергично взяла у него из рук посудину и, присев на корточки, яростно заскребла по дну. Кастрюля завизжала от песка и алюминия.

– Я умею скоблить, – тихо сказала она.

– Ты не спрашиваешь, для чего кастрюля?

– Если ты пошел, Сашья, скоблить – значит, пригодится.

Сашка несколько озадаченно глянул от этих слов на темнеющий далёкий горизонт, первые, выстраивающиеся на небе созвездия и, испытав несколько странное чувство, ушел в дом. Ему вдруг очень захотелось, хоть на себе, но вытащить, дотащить из этих снегов ее живую и невредимую в город, в цивилизацию. Обо всех остальных он сейчас забыл.

В избе дядя Миша уже заправлял печку дровами. Каждую щепочку дядя Миша укладывал, словно домик строил – лучинка к лучинке, хворостинка к хворостинке, крест – накрест, да чтоб по размеру подходили. Под самый потолок этой деревянной пирамиды дядя Миша затолкал пару приличных поленьев. Поднёс спичку. Огонь перескочил с нее на хворостинку, слабо пошел по ней вверх, потом пламя вытянулось, ушло внутрь, метнулось по щепкам, разошлось по краям и тут же охватило всю деревянную конструкцию. Печка загудела.

Дядя Миша повернулся с победным выражением лица к американцам, достал не спеша из пачки сигарет одну, прикурил от лучины, опустив ту предварительно в самый печной огонь, и, попыхивая дымком, сказал, как подвёл итог всем:

– Каюк, господа!

Фрэнк и Макс удивлённо переглянулись.

Вошедший Сашка полез под нары, вынул свой рюкзак, развязал его и вытащил пакет с НЗ. Высыпав на стол содержимое, Сашка задумался: на сколько дней ему теперь делить все это? Все это состояло из трех пачек галет, по двадцать штук в каждой, да трех пачек бульонных кубиков, по восьми штук в каждой. В рюкзаке оставалась еще фляжка со спиртом, но спирт – еда тяжёлая и заводная... оставим до лучших времён. Сашка прикинул, на сколько дней можно растянуть такие «запасы»? Если дней на шесть, то выходило по две галетины на человека в день. Бульон? Бульон – штука разводимая водой... Спиной Сашка почувствовал что-то неладное, повернулся, там стояли американцы, дядя Миша и смотрели на стол.

– Сашя, – сказал тихо, очень нормально Макс, – вы не продадите мне один кубик? Я имею сто долларов.

Хлопнула дверь, вошла Элизабет с кастрюлей в руках и поставила ее на печку. Кастрюля была доверху набита снегом.

– Правильно? – повернулась она к Сашке.

– Правильно, – сказал тот, – подходи сюда.

В двух словах Сашка объяснил всем: «сколько» можно есть в день и на сколько дней тогда всего этого хватит. Несколько секунд стояла тишина. Потом Элизабет присела напротив Сашки на лавку:

– Значит, у нас в запасе шесть дней?

Он кивнул.

– Потом?

– Потом наступят трудные времена, – ответил Сашка.

Она была невозмутима, только спросила:

– Сегодня будем есть?

Во время ужина оказалось, что посуды в доме нет никакой. Самым запасливым вновь был Сашка. У него была и ложка, были и две кружки. Одну он в поездках всегда использовал как миску, другую как рюмку. Ложку он отдал Элизабет. Кружками мужчины черпали бульон и пили, как чай, маленькими глотками, стараясь растянуть удовольствие. Элизабет ела ложкой прямо из кастрюли. В избе становилось тепло, и сцена ужина была довольно семейной и милой.

В эту ночь Сашка долго не мог уснуть. Мысли постоянно возвращались в город. Он закрывал глаза и видел Ксюшу. Она сидела в кресле, Моська лежал у нее на коленях, Хан развалился у ног на полу. По комнате мягко разливался свет от торшера, негромко говорил телевизор. За окном тишина ночной улицы изредка нарушалась шумом редких машин, ругались нижние соседи: муж опять пьяный пришёл, звонил телефон... Город спал, укрытый снегом. Город спал в лунном сиянии...

Сашка лежал на нарах у самой стены, под окном, рядом лежал Макс, через него Элизабет, за ней Фрэнк и завершал это лежбище – дядя Миша. Дрова в печке почти прогорели, перестали трещать. Печь перестала гудеть, дверца ее, слегка вечером раскрасневшаяся от жара, потемнела, только из небольшой щели вырывался тусклый свет от остывающих древесных углей и немного освещал неуютную, грязноватую комнату рыбацкой хижины. Сашка разглядывал закопчённый потолок из фанеры, где не было ни единого живого места, и, отвлекаясь ежеминутно от приятных мыслей, понимал: если их не спасёт счастливая случайность, надеяться им, в сущности, не на что. Один раз у него мелькнула мысль: «Лишь бы сдохнуть по-человечески... А какая может быть случайность? Вертолёт, вездеход, оленевод?... Что еще?... Бестолочь тоже, не взял свое ружье. С ним хоть что-то можно предпринять. Был бы он один... Об этом лучше не думать, он не один. Интересно, сколько лет этому дому?... Завтра наступит утро, и все они решат... с дядей Мишей. Как там Ксюша? Наверное, думает, что он уже наснимал кучу плёнки, заработал кучу денег... Там сейчас тоже ночь. Сколько отсюда до города? Километров триста... чуть больше? Рядом совсем. Там цивилизация. Там помощь можно ждать отовсюду. Американцы эти еще, как в нагрузку... И Ксюша, наверное, уже спит. Спит и видит третий, может пятый сон. Может, Моська свернулся рядом клубком и тоже спит тихонько... и Хан улёгся... спят все... и город спит, укрытый ночным мраком».

А среди бескрайней снежной равнины, среди холода и мрака, между голодом и неизвестностью, во владениях неуловимых, как призраки, полярных хищников стоял крошечный, неказистый домишко, с небольшой невзрачной печкой, дымил трубой и сам себе не ведал, что уже одним своим присутствием уберёт, а может, даже и спас пятерых человек.

На следующее утро Сашка проснулся раньше всех. Солнце поднялось, и в избе даже с одним окошком было довольно светло. Тундра с вечера не изменилась – белое во все стороны света сливалось у горизонта со светло-синим. Выйдя наружу, Сашка забрался на плоскую, но покатающую в обе стороны крышу избы и осмотрелся. Недалеко от них с южной и западной сторон серели извилистые полоски кустов, похоже, там проходили русла ручьёв с тальником². А где тальник, там и куропатка. Уже при первых шагах по снежному руслу Сашка обнаружил следы куропатчей «ночевки». Стая была очень приличная и, очевидно, после утренней кормёжки снялась с места. Это было уже хоть что-то. Оставалось только придумать, чем «бить» эту куропатку. Или ловить?...

Днём он обшарил всю избу, но не нашел ничего годного для изготовления охотничьих снастей. Ни проволоки, ни лески рыболовной, ничего, чтоб хотя бы «петлю» на куропатку поставить. Не зная, как и чем себя занять, он исходил все окрестности, все близлежащие места обитания живности, береговую линию озера и ближе к вечеру вновь перевернул все в доме, пристально обследовав даже стены и потолки. Результат был нулевым.

² Тальник – кусты ивы по берегам ручьёв.

Вечером вторая трапеза прошла в жуткой тишине. Сашке даже показалось, что все считали, сколько плотков бульона он сделал, сколько Элизабет залезла ложкой в кастрюлю, да и сам он вроде тоже считал и то и другое. Пара галет хрустела у каждого на зубах, словно треск падающего сухостоя в глухом лесу. За весь ужин никто даже не взглянул друг на друга.

После трапезы Сашка вышел из дома, прошёлся немного вокруг избы и с тоской глянул на запад. Там, в стороне светлого, оранжевого заката лежал за горами его Северск. Там осталось все. Совершенно все. Как теперь туда вернуться?...

Когда на тундру опустилась ночь, а от луны на снег легли мутные, неестественные тени, местность обрела жутковатый, мистический облик. Неказистая изба возникала из мёртвого, белого покрова, словно заколдованный замок, брошенный обитателями в страшную годину чумы или холеры. Слегка покосившаяся труба торчала на крыше жерлом артиллерийского орудия, ударившего в последний раз по неприятелю и теперь беспомощно дымившегося на фоне бездонного, звёздного неба. В единственном уцелевшем окне вспыхивали отдалённые блики огня – блики походных костров, а может, горящих факелов в низких сводах каменных коридоров...

«Что-то я рановато начал с ума сходить», – подумал Сашка. Он уже два часа топтал снег возле жилища, взгляд его отчего-то постоянно возвращался и упирался в озеро. Он мысленно повторял: «Халембой, Халембой, довольно рыбный»...

Однако рыбы от этого не прибавлялось, а есть хотелось еще больше. Впереди четыре дня, а дальше? Даже в самую отвратительную пору своей жизни Сашка не знал, что такое голод. Плохое питание, однообразное питание... ну, недоедание, наконец, но голод? Так само собой и напрашивалось: а что это? Может, то, что уже болел немного желудок? Подташнивало. Сашка начал вспоминать все, что видел и слышал о подобных случаях: один уходит в маршрут до ближайшего селения, а остальные остаются на месте и ждут спасательной экспедиции. На словах красиво. А вот если он не дойдёт?... Что тогда ждут остальные?...

Из дома вышел дядя Миша, пролив на тёмную тундру узкую полоску света от горячей печки, хлопнул дверью и, присев на крыльцо, достал из кармана мятую пачку сигарет. Аккуратно пересчитал во тьме содержимое и доложил:

– Двенадцать штук. Каждую перед сном... одну в день. Двенадцать дней...

– Потом что? – отвлёкся Сашка от своих мыслей.

– Вертолёт прилетит, – уверенно сказал дядя Миша.

– Табак привезёт?

– И табак. Я загадал.

– Поделись?

– Нет, – дядя Миша прикурил, – ты ничего не придумал?

Сашка молча помотал головой.

– За двенадцать дней можно и «дуба» врезать, – порассуждал дядя Миша, – это тебе не лечебная голодовка.

– Дались тебе эти двенадцать дней. Гости как?

– Завалились на нары. Лопочут там по-своему.

– Что-нибудь похожее на леску, нитку капроновую не встречал случайно? Проволоку, может?

– Я бы, Сашка, сам сразу побежал «петли» ставить на куропаток, кабы так.

– Хожу, места себе найти не могу. Чувствую: здесь, где-то рядом... решение, вот рядом крутится... в голове, а уловить не могу... Можно что-то придумать. Не может такого быть, чтоб выхода не было...

Он глянул в темноту и добавил:

– К озеру все время тянет. Хоть руками лови.

– Ты ловил подо льдом?

– Нет. Я вообще не рыбак. Так, на общих основаниях. Больше охотник.
– Я тоже не рыбак. Однако могу тебе сказать: лёд на озёрах – до двух метров, повезёт – полтора. Рубить прорубь, чем будешь?

Рубить было нечем. Ловить тоже.

– Ты лучше в избу иди, – как проворчал дядя Миша, – я там «станок» припас... и мыло. Побрейся уже, а то зарос хуже лешего. Нечего опускаться.

– Откуда у тебя станок?

– Всегда вожу. Везде. В кармане вожу. Не люблю неряшливости. Иди, иди. Американцы и те бритые сидят... сверкают своими мордами буржуйскими, лужёными.

В эту ночь Сашка спал совсем плохо. Он то проваливался в черноту, то в одно мгновение открывал глаза и лунном полумраке видел единственное уцелевшее грязное окно, сотканное из осколков, а за ним тускло мерцающую далёкую звезду. Сразу вспоминал: Халембой, «довольно рыбный». Вспоминал и не мог остановиться от закипающей в нем злости. Почему рыба? Ее так же не достанешь, как и любую куропатку, как зайца, что там еще?... Оленя? Да луну с неба!.. Дался ему этот Халембой!

Рядом сопел Макс. Сашка приподнялся на локте, за Максом ровно дышала Элизабет, дальше Фрэнк нервно подёргивал во сне ногой, и у другой стены, как большой буйвол, тихо спал дядя Миша. Сашка сел. Везучие – спят, ни о чем не думают.

Он посмотрел в окно. Тишина в тундре стояла зловещая, с чёрного неба лился совсем осязаемый жуткий лунный свет и все огромное пространство за окном дышало безысходностью, пустотой и гибелью. Надежды осталось на четыре дня. Четыре дня по две галетины и по кружке воды, покрашенной под бульон. А потом не будет и этого. Ничего не будет. Они останутся один на один с голодом, страхом, холодом...

«Может, все же в маршрут? По карте отсюда полторы сотни километров, это два дня пути. Дойти можно. А если заметёт пурга? Тучи и те могут испортить дело, закроют солнце и пропал ориентир. Сидеть, ждать здесь – тоже дело дохлое».

Сашка подтянул к себе колени и уткнулся в них лицом. Что-то он совсем не годен к выживанию. А в городе жаловался, что без работы сидит... голодный... го... голодный?... Его начал разбирать смех. Тихий, какой-то внутренний смех подошедшей истерики.

Сашка поднял голову и посмотрел в окно – лицо мгновенно преобразилось, и смех пропал. Он даже про голод забыл и про их безнадёжное положение. Метрах в ста от дома, по озеру шли, вытянувшись цепочкой, шесть гибких, темных волчьих фигур. Шли спокойно, уверенно, иногда останавливались, легко сбивались в кучу, водили мордами, видно, учуяв запах близкой гари от печки и всего прочего человеческого, потом вновь пригибали морды к земле и шли дальше. Судя по всему, волки не собирались подходить к дому, человек – всегда опасность. Луна проводила их до горизонта. Там волки исчезли. А может, все же показалось? Он лёг на спину и закрыл глаза. Маршрут в сто пятьдесят километров отменялся.

Утром Сашка проснулся позже всех. Проснулся от невероятного шума голосов. Когда он наконец проснулся и смог отличить дядю Мишу от Элизабет, то увидел довольно трагикомичную картину: дядя Миша возбуждённо ходил по избе, орал и махал руками, Элизабет стояла у дверей и явно закрывала собой выход, Макс сидел на нарах ближе всех и тупо разглядывал пустые пакеты из-под галет. Положение было более чем явное, и все же Сашка спросил:

– Что произошло?

Дядя Миша остановился, Элизабет замерла, с надеждой обернулась на Сашку, а Макс тихо, стыдливо и вдруг чисто по-русски сказал:

– Вот. Фрэнк галет со... сожрал.

Последнее слово он, вероятно, услышал совсем недавно.

– Сожрал, конечно, морда нерусская! – тут же подхватил дядя Миша. – Ну-ка, девочка, свали отсюда! Я все равно найду этого паскудника!

Элизабет не сдвинулась. И дядя Миша, похоже, потерял желание с ней бороться.

– Сашья! – позвала она. – Сашья, остановите его.

Дядя Миша подошел к Элизабет вплотную, посмотрел сердито и сказал, как прорычал:

– Уйди с дороги, маленькая американская коза.

– Не уй-ду! – ответила она по слогам.

– Вот, пацанка, – кивнул не нее дядя Миша Сашке, – еще защищает этого сучонка!

В душе Сашке тоже захотелось найти этого сучонка. Ситуация изменилась раньше, чем он ожидал. Надо было что-то предпринимать, пока обстановка не взорвалась окончательно. Сашка поднялся, достал из-под нар свой рюкзак, облегченный на две пачки галет, нашарил в нем фляжку и одному дяде Мише сказал:

– Кружку дай.

Тот неторопливо отошел от Элизабет, как бы давая ей передохнуть, подал ему кружку с редкими застывшими по краям каплями бульона. Сашка открутил колпачок фляжки и налил ему в немывтую посудину немного спирта. Протянул дяде Мише.

– Держи.

– Что это? – боясь обмануться в ожиданиях, спросил дядя Миша. Галеты и сучонок Фрэнк были забыты.

– Успокоительное. Разбавлять не будешь?

Дядя Миша аккуратно выпил чистого спирта, крякнул и понюхал аппетитно свой изгиб локтя. Потом выдохнул огорченно:

– Вот ведь, подсвинок заморский, сожрал закусь.

Сел рядом с Сашкой на нары, с независимым видом вынул пачку сигарет и закурил. Выражение лица стало умиротворенным.

– И вот что, – сказал ему тут же Сашка, – считай, дядя Миша, галет не было.

– Как не было? Ели же вчера?

– Показалось тебе, – вздохнул Сашка, – с голода это.

Дядя Миша выразительно посмотрел на Сашку, поднял брови, опустив глаза на огонек сигареты, и согласно кивнул.

– Где Фрэнк? – спросил Сашка у Элизабет.

– Он... убежал. На озеро, наверное.

Сашка неторопливо обулся и, выходя из дома, объявил:

– Далеко от зимовья не ходите. Ночью по озеру стая прошла... шесть голов.

И оставив их, онемевших от ужаса, хлопнул дверь. На озере он Фрэнка не нашел. Да и по всей округе, сколько хватало глаз, не было видно ничего, похожего на человека. Походив немного в близлежащих кустах и не найдя и там никаких признаков пребывания Фрэнка, Сашка вернулся к жилищу. Возле дома, облокотившись на стену, стояла Элизабет и, похоже, ждала его. Когда Сашка подошел, она негромко сказала, стараясь, чтоб не услышали внутри:

– Вы, Сашья, свой нож при себе держите. Это оружие.

Он услышал, но вида не подал. На свитере Элизабет, чуть ниже плеча, под распахнувшейся полрой куртки, в лучах солнца сверкнул какой-то значок. Сашка сделал шаг, не сводя глаз со значка, Элизабет тут же провела рукой по волосам у виска, упрятав их за ухо, вроде как они мешали, и автоматически опустила руки в карманы.

– Есть опасность какая-то? – спросил Сашка.

Она пожалала плечами, опустив лицо вниз, потом очень задумчиво взглянула на Сашку и негромко проговорила, поглядывая на дверь:

– Ваш дядя Миша, когда узнал, сказал, что сейчас найдёт этот... тесак и зарежет Фрэнки. Разрежет его на куски и будет кушать его вечером вместо печенья. Он сильнее Фрэнки. Он, наверное, сильнее нас всех. Надо быть...

– Не бойся, – не очень ласково прервал ее Сашка, – надо будет, дядя Миша первый подставится за вашего Фрэнки. Куда этот дурачок убежал?

– Я думаю, он скоро появится. Куда здесь бежать?

– Красивый у тебя значок, – кивнул Сашка, так запросто, что американка даже глазами поморгала.

– Это? – непонятно чему удивилась она. – Это «кленовый лист» – символ Канады. Мне его подарил Поль, который сейчас у вас в больнице.

– Муж твоей сестры? – вспомнил Сашка.

– Да перед нашим отъездом... сказал, он принесёт мне удачу. Вот видите, пока живы все...

Элизабет вдруг молниеносно, аккуратно сжала свой свитер левой рукой, правой рукой вынула значок и протянула Сашке.

– Возьмите, Сашья. Возьмите себе, на удачу.

Сашка даже улыбнулся такой искренности, взял значок, посмотрел – обычный металлический жёлтый листик на длинной, острой ножке. У острия была заусеница. Все очень напоминало конструкцию русского багра – острие с крошечным крючком в обратную сторону.

– Это, – заметила Элизабет, как он пристально рассматривал заусеницу, – это чтоб держался крепче, правда, снимать тяжело, зато прочно. Возьмите...

– Не надо, – отдал он значок, – выберемся когда, другое дело. Сейчас не надо.

Фрэнк явился только под вечер. Поднялся на крыльцо, как на эшафот, решительно открыл дверь, переступил мужественно порог, аккуратно, но твёрдо закрыл дверь, прошёл к нарам, снял обувь и, ни слова не сказав, завалился на «боковую». Все промолчали. Дядя Миша кипятил воду для бульона, поддерживая нужный огонь в печи, Макс, сидя на лавке у стола, тихонько шевелил губами, читая вечернюю молитву, Элизабет сидела на месте Сашки на нарах у окна и бесцельно смотрела куда-то в тундру, сам Сашка столь же бесцельно катал по столу, сидя на табуретке, небольшую ниточку, то скручивая ее колечком, то разворачивая в жгутик.

Ужин в тот день состоял из одного бульона. Фрэнк к столу не встал. Когда его позвали, он даже не пошевелился. Тогда дядя Миша зачерпнул кружкой бульон из кастрюли, подошел к Фрэнку, присел рядом и потормошил его за колено.

– Вставай, парень, – почти ласково сказал он, – так никому ничего не докажешь.

Фрэнк не пошевелился.

– Ты на меня не серчай, – продолжил дядя Миша, – это я сгоряча... утром. На-ка, вот, хлебни бульончика, полегчает.

– Я не хотел! – вскочил внезапно Фрэнк. – Я сам не знаю, как сделать!

И быстро продолжил на родном языке.

– Я имею больной желудок, – вернулся он русскому языку, – я не могу без еда! Он болит...

Ткнул себе пальцем в живот и вновь заговорил на английском.

– Да шут с ними, с галетами, – дядя Миша протянул ему кружку, – похлебай бульончика, раз желудок больной.

Фрэнк остановился. Глаза блестели. Он взял кружку, и дядя Миша вернулся за стол.

Пришла ночь. Взошла луна. Сашка сидел на нарах возле окна, опять отрешённо смотрел сквозь грязное, битое стекло и опять ничего не мог придумать. А время с этого дня пошло быстрее. Жалкий, скудный паек и тот был потерян. Сашка пытался обдумать все мыслимые

и немислимые возможности добыть пропитание. Он даже прикидывал вероятность применения одежды в изготовлении орудий лова для живности. К примеру, расплести шарф, или шапочку Элизабет, надеть «петли»... Но очень быстро от этого пришлось отказаться, все было связано из шерсти, все было абсолютно непригодно и технически неприменимо. Даже обувь была без шнурков, сплошные «липучки» да «замки». Сашка злился на свою беспомощность, вновь и вновь перебирая в голове их совершенно нулевые шансы. Результат был один и тот же – все тщетно и бесполезно.

Когда следующий день прошёл без еды... когда день следующий прошёл так же, а потом и третий – люди начали несколько беспокоило себя вести. Фрэнк стонал по ночам, днями сидел, скрючившись, подавленный. Макс молчал, ежеминутно выходил на улицу и ходил, как сторож, вокруг избы. Элизабет старалась лишней раз не вставать с нар. Дядя Миша либо топил потихоньку печку, стараясь как можно экономнее расходовать дрова и куски разбросанного угля, либо просто сидел у той же печки, открыв дверцу, и смотрел на огонь. Сашка бродил в окрестностях, но чаще всего стоял на льду озера, покрытого снегом и задумчиво смотрел вниз, под ноги. Бульон кончился, пили теплую воду талого снега. На четвертый день без еды Сашка заметил, что всех их немного пошатывает и глаза у всех смотрят как сквозь, не задерживаясь нигде, ни на ком, ни на чем. Он достал свой рюкзак, в надежде, что, может, там хоть что-то завалилось, но нашел только фляжку и аптечку. Сашка был не особенно силен в медицине, но лекарства, что брал с собой, знал хорошо. Он тут же достал одну пачку и дал Фрэнку. Тот удивлённо повертел таблетки и спросил уже совсем неживым голосом:

– Что это, Саша?

– Анестезин. Не вылечит, но боль уйдёт на время.

На этот же четвертый день дядя Миша подошел к Сашке, когда тот стоял на озере, и в сердцах сказал то ли ему, то ли себе:

– Не могу смотреть, хоть меня зарежьте, что ли?... Подышаем потихоньку.

Сашка качнулся от этого, но ничего не сказал. Голова уже не переключалась с мысли – как достать еду? И времени прошло – всего ничего. Голодали люди и намного больше. Что же они?... Он вспоминал рассказы своей матери о голоде в военное время. Тогда есть было просто нечего. А сейчас? Сейчас ждать нечего. И тут Сашку встряхнуло от неожиданно пришедшей мысли – безысходность... Безысходность. Сознание убивает быстрее. Обычный человеческий страх и представление того, что с ним скоро может случиться, торопили в голове каждого исход этого события. И принудительная голодовка зачастую вызывает еще и самоотравление организма, жди тут чего угодно. На этот же четвертый день, ночью, Элизабет, до этого мирно спавшая, вдруг вскочила с нар и бросилась без обуви на улицу. Дядя Миша, выкуривавший в это время свою «ночную» сигарету, схватил ее в охапку, быстро заговорил, пытаясь привести в чувство:

– Подожди, подожди! Сдурела, девка!.. Сашка...

Элизабет сказала что-то грубое на своем языке, потом вроде как увидела, что это дядя Миша перед ней, и уже по-русски выпалила:

– Да пустите же, вы!.. Там же!.. Там...

Все вскочили с нар. Макс и Фрэнк схватили Элизабет за руки, о чем-то заговорили с ней, Сашка бросился к своему рюкзаку, опять достал аптечку, нашел там что-то, открыл, насыпал немного таблеток в ладонь, тут же очень жёстко схватил Элизабет за плечо, притянул к себе и приложив ладонь с лекарством к ее губам, почти крикнул:

– Ешь, быстро! Быстро, сказал!

Элизабет, словно по приказу, проглотила таблетки даже без воды, Сашка легонько хлопнул ее промеж лопаток.

– Пролезло? – развернул к себе лицом.

Она кивнула, сразу приходя в себя, и спросила:

– Что это? Валим?

– Валиум, – ответил твёрдо он, – подожди полчаса, не беги и не дёргайся. Слышишь? Сядь. Сейчас подействует.

Когда все успокоились и снова улеглись, дядя Миша приблизился к сидящему с опущенной головой за столом Сашке и поинтересовался с лёгкой тревогой в голосе:

– Ты что ей дал?

– А? – вскинул голову тот. – Ах, да... транквилизатор, тазепам, что ли?

– Это что?

– Это такое успокоительное... давит отрицательные эмоции.

Дядя Миша ткнул пальцем с седыми волосками ему в лоб и очень уверенно, словно выход из положения нашел, произнес:

– У тебя хватит ума нас спасти.

Сашка опешил, а потом, как полный идиот, спросил:

– А как?

Дядя Миша посмотрел ему в глаза:

– Найдешь.

Искал Сашка всю ночь. Искал, не нашел. Выйдя из дома утром, тоже не нашел. Негде было искать. Все было исхожено и осмотрено десятки раз. В голове бились слова дяди Миши, бились друг о друга, больше никаких сдвигов в положительную сторону. Он шел по снегу, непонятно куда, непонятно зачем, да и, вообще не зная, в какую сторону. Впрочем, ему сейчас можно было идти в любую сторону. Он очнулся посреди белоснежной бесконечной пустыни, оглянулся вокруг, нашел на снегу маленькую точку – оставшуюся избушку, сорвал с себя мохнатую шапку, упал на колени, смотрел в это синее, зимнее небо с неизменно сверкающим солнцем, смотрел и вдруг закричал вверх... вверх, на самое небо:

– Господи! Ну, помоги же ты нам! Ну, я не знаю, что мне говорить!.. Ну, дай же нам шанс!.. Один шанс!.. Ну, ёлки...

С неба ничего не обрушилось. Сашка поднялся с колен и зашатался назад в избу. Придя, он сел на табуретку за стол и уткнулся лицом в сложенные руки. Внутри была такая опустошённость, что не хотелось уже ничего... совсем... даже есть...

– Я знаю, вы меня осуждаете, – раздалось сверху.

Сашка вскинул голову – перед ним стоял Фрэнк.

– Да нет, дорогой мой американец, – ответил он, – не осуждаю я тебя. Просто устал.

– Вы, Саша – загадочная русская душа?...

– Если б это еще помогало, – вздохнул Сашка.

– Скажите, Саша, – надругался над произношением русской речи Фрэнк, – а я могу чем-нибудь помочь?

– А чем? – Сашка даже не сумел улыбнуться на его такое простодушное предложение. Глаза его скользнули по костюму Фрэнка и тут случилось то, отчего у Сашки даже кровь ударила в голову – он увидел вылезший из ткани у самого лацкана, маленький кусочек лески. Как он мог забыть?... Фрэнк – единственный, кто в костюме. Бортовка пиджака!.. Зачастую она пронизана леской.

– Это, – привстал Сашка, – это... что это у тебя?

И потянулся к Фрэнку через стол. Фрэнк немного опешил, посмотрел на свой пиджак, увидел леску, выдернул ее и безразлично сказал:

– А-а, это постоянно выходит. Наверное, плохо шит.

– Матерь Божья, – достал из-за пояса свой большой тесак Сашка и еще больше перегнулся через стол к Фрэнку, – как это... хорошо, что плохо шит...

Тут вдруг мгновенно, очень резко и властно крикнул:

– Снимай пиджак! – и схватил Фрэнк за рукав одной рукой, другая так и сжимала рукоять ножа. Все в избе замерли и, таясь от страха, ждали развязки. Фрэнк зашептал беззвучно губами, как заведённая кукла, стянул с себя пиджак и отдал Сашке. Тот плюхнулся обратно на лавку, мастерски полоснул лезвием по пиджаку. «Вот, почему Халембой – пронеслось у него в голове, – довольно рыбный... довольно... значок у Элизабет... если согнуть... это же крючок, блесна почти... дальше, дальше... полтора, два метра льда... чем, чем? Ножом. Конечно, ножом... воронку конусом вниз... можно пробить, можно...»

Он обвёл всех стеклянными глазами и ровно доложил:

– Кажется, живем, только не надо суетиться. Лизка, – обернулся он к Элизабет, – где твой «кленовый лист»?

Обескураженная Лизка тут же отцепила значок, вырвав из свитера изрядный клоч, поднялась и отдала его Сашке.

– Так, дорогая моя, – фамильярничал Сашка, – у тебя тонкие пальчики?

Голос у него немного хрипел от волнения:

– Нам нужны очень тонкие пальчики... нам надо вязать очень тонкие узелки... Сможешь?

– Похоже, смогу, – неуверенно ответила она.

– Дядь Миш, ножик свой не потерял? Надо бортовку резать... леску вытаскивать.

– Подожди, – веско оборвал его тот, – ты кого ловить собрался?

– Не знаю, – не испугался Сашка. – Щука какая-нибудь должна же быть?

– Щука? – дядя Миша обвёл глазами присутствующих. – Она вмиг твою леску перекусит, а «крючок», я так понял, у нас один?

Макс молча вынул из кармана круглые часы на цепочке и положил на стол. Рядом с часами змейкой уложилась тонкая цепочка.

– Выдержит? – спросил дядя Миша.

– Это, – Макс подумал, подбирая слова, – это сталь... цельная... литая...

Цепочку оторвали с корнем.

– Если вы не против меня, – страшно картавя, сказал Макс, – я бы мог помочь, я... как это... профессиональный рыбак. Спортсмен. Правда, подо льдом никогда не ловил. Но-о, снасти... так? Сделать могу.

– Тебе и карты в руки, – сказал ему Сашка, схватил шапку и бросился вон из дома.

– Ты-то куда? – крикнул вдогонку дядя Миша.

– Прорубь рубить! – донеслось уже снаружи.

Рубил прорубь Сашка до ночи. Рубил воронкой конусом вниз. Лёд бил в лицо. Он разлетался мелкими кусками во все стороны, резал кожу, впивался в глаза. Было больно. Но это было только больно и больше ничего. При каждом ударе Сашка жмурился интуитивно, отворачивая лицо, что не помогало. И опять бил, бил и бил с каким-то радостным остервенением. Лёд дробился быстро, не успел он заметить, как нож уже по рукоять скрывался в воронке. Потом он рубил лёд, лёжа на животе, опустившись в низ образовавшейся воронки по грудь. Он не боялся, что устанет или не дойдёт до воды. Он боялся, что по неопытности выбрал мелкое место и здесь озеро промёрзло до дна. Он боялся, что нож лопнет поперёк лезвия и тогда уже совсем ничего не сделаешь. Он боялся, что люди, только что поверившие в него, пострадают от его неумелости и неискущённости. Несколько раз к нему приходили. Все по очереди. Просили отдохнуть. Отдохнуть и хотелось, и не хотелось. Есть тоже хотелось. Также всем. Сашка, отговариваясь, только говорил: леску вяжите.

Они вязали леску до ночи. Дядя Миша, вытаскивая кусочки из пиджака, помогал себе парой ругательств под нос, так было легче и быстрее. Макс изготовил крючок из «кленового листа», подогнув его в боках, пытаясь хоть немного подделать под блесну, соединил с цепочкой, все проверил не один раз, после чего проконтролировал каждый узелок, завязан-

ный Элизабет. Дядя Миша нашел в стене две крупные картечины, выковырял их, и Макс приспособил их, как грузило у «крючка». Потом дядя Миша осмотрел всю конструкцию, пока без лески, цокнул языком и пробормотал неуверенно:

– Или мы... или рыба здесь глупая...

Чем глубже становилась воронка, тем больше сужалась ее горловина, тем рубить было тяжелее. Когда стемнело, возле воронки появился Макс, посмотрел на Сашку, предложил заменить его, Сашка отказался, тогда Макс очень уверенно сказал:

– Я буду доставать лёд, а вы, Саша, колите его...

– Это правильно, – согласился тот, кураж первых часов прошёл, вместо него пришла обычная усталость, – лезь вниз.

Вдвоём воронка «пошла» много быстрее. Можно сказать, она углублялась на глазах. В темноте работать было не очень радостно и уютно, то Сашка, то Макс, регулярно озирались вокруг себя: первый вспоминал, кого видел здесь недавно из окна, второй вспоминал, что ему недавно говорил Сашка. На небе уже сияла луна, разгорались во всю силу созвездия, снег вновь мерцал ночными огоньками на своих кристалликах, тундра покрывалась чернотой ночного неба, и как спасительный маяк в этом снежном океане горело красноватыми отблесками грязное окошко рыбацкой избушки.

– Вы живете в страшной стране, Саша, – выглядывал Макс из ледяной дыры и печально смотрел на Сашку.

– Это почему это? – нисколько не обижаясь, спрашивал тот, едва не засыпая но ходу.

– Я вчера, – Макс обернулся вокруг себя, как профессиональный подпольщик из своего «укрытия», – я вчера видел три солнца... и столбы красные... Вот, вот и вот...

И показал руками что-то очень большое, толстое и круглое.

– И только?

– Вам этого мало? – спросил Макс испуганно.

– Нам всегда мало, Макс, – проговорил назидательно Сашка, – такой уж мы народ.

– И вы не боитесь?

– Нет. Выгребай быстрее. Рыбки поешь, и ты бояться перестанешь.

Макс заработал руками, выбрасывая лёд наружу и осторожно спросил:

– А вы мне дадите тоже таблеток... как Элизабет. Я тоже... боюсь. Этих...

– Глюки видишь? – спросил Сашка.

– Нет. Я стрессов боюсь. Нервы.

– Ты мужик. Переживёшь. Выгребай и пойдём. Отдохнуть надо. Завтра закончим.

Сашка проговорил все так, словно прочитал по слогам, по бумаге, кем-то написанное. Макс выгреб остатки колотого льда, Сашка помог ему выбраться из воронки, уже достигшей внутрь более метра, и оба тяжело и неторопливо побрели к дымящему трубой, тёплому дому. Горящие звезды померцали им на прощание своим далёким светом, луна, забравшись в самый зенит, осветила дорогу – похоже, там, «наверху», все было в порядке. А в избе, под светом огня из открытой печки, крутили узелки. Бортовка отдавала леску с трудом. Небольшие кусочки, сантиметров по двадцать, выходили из нее неохотно. Элизабет вязала узелки, предварительно опуская пальчики в теплую воду. Так леска крутилась легче. Уснули все очень поздно. Уснули, когда «снасти» рыболовные были готовы к применению.

Среди ночи Сашка проснулся. До рассвета было еще далеко. Он посмотрел в окно, потом встал и ушел на озеро. Он и сам не знал, зачем это делает. Себе доказать? Им доказать? Посмотрел во тьме на спящих, взял нож и ушел. Ничего, никому он доказывать не собирался, просто не хотел проснуться и увидеть лица людей в этом проклятом ожидании. Хорошо ждать сытым.

Придя на место, осмотрелся, вновь вспомнил стаю в шесть голов, опустил в ледяную яму... и удар за ударом, и лёд наверх... С каждым сантиметром вниз, с каждым сантиметром,

приближавшим их к воде, бить было все сложнее и сложнее, работать, выбирая лёд из-под ног, – едва ли удобнее.

Рано утром, когда на кромке его ямы показались первые лучи солнца, которые Сашка вначале и не заметил... Он увидел воду. Увидел ее подо льдом – тёмную, долгожданную, благословенную воду, которая своим появлением еще ничего не обещала. Первой мыслью был вопрос: вода есть, а где рыба?... Сашка ругнулся. «Как бы не свихнуться преждевременно». Он продолжал бить ножом до тех пор, пока вдруг не подумал, что он может и провалиться в свою прорубь... если осторожным не будет. Вода ведь рядом, под ним. Вот она, под ногой сразу, чёрная какая-то...

Он провалился через секунды, с грохотом и треском льда, коротким, как выстрел, страшным и тяжёлым... он провалился вместе со всей своей ледяной площадкой, на которой стоял... но горловина была узкая, он ушел по пояс в воду, быстро оперся руками о стены воронки и, помогая себе ножом, выбрался наружу. Вода пошла наверх. Тёмная, чёрная, беспроектная, кружащаяся по центру проруби, сразу разглаживала стены воронки, как бы расправляя острые ледяные куски... она шла и шла, как будто вырвавшись из ледяного плена, но чем выше она поднималась, тем скорость ее заполнения снижалась, поверхность затихала, и, когда луч солнца, скользящий по снегу, коснулся ее, вода остановилась...

Сашка не мог двинуться, он стоял и смотрел на воду, как зачарованный. Очнулся от холода... очнулся и мокрый наполовину побежал к избе. Ноги не гнулись, штаны превратились на морозе в панцирь и передвигались, как ходули. Ворвался в избу он очень громко. Началось с того, что запнулся о порог, упал на пол, попробовал встать да не очень вышло, проснулись все остальные... Дядя Миша первым все понял и крикнул:

– Снимай штаны, сучонок паршивый!

Сашку раздели насильно. Было и смешно и горько – штаны стояли на полу колом. Фрэнк начал тоже раздеваться, никто ничего не понял, потом увидели, что он в теплых кальсонах, которые тут же стащил и отдал Сашке... Сашка не увидел этого жеста и с некоторым пафосом произнес:

– Я пробил воронку...

Тут же получил подзатыльник от дяди Миши и... отключился. Он отключился не от холода, просто устал. Он выдохся и просто отключился. Он обычный человек без спецподготовки.

Очнулся Сашка в кальсонах Фрэнка и объятиях Элизабет. Еще плохо соображая, он принял ее за Ксюшу, а нары за кровать родную. Голос ее прозвучал вовремя:

– Согрелся?

Сашка приподнялся, автоматически глянул в окно – там была ночь, после оценил обстановку в комнате. Похоже, за прошедшее время изменилось что-то очень важное в их жизни. Вместо привычного напряжения в отношениях, неуловимого страха в каждом, вместо охватившего всех безразличия ко всему и какой-то ажитированной депрессии, в доме царил полное согласие, теплота и безмятежность. Дядя Миша покурил сигарету возле печки, разглядывая пляшущие языки пламени, Макс сидел за столом и старался подточить их «крючок» о небольшой камень, неизвестно как появившийся в избе, Фрэнк находился через стол напротив и неторопливо и осторожно проверял узелки на леске.

– Тебя трясло всего, – сказала Элизабет как вдогонку.

– Да, ладно, ерунда, – попробовал отшутиться Сашка, сел как следует, – сколько времени?

– Уже вечер, – ответила Элизабет из-за его спины, – ты спал десять часов... даже больше.

– Случилось что?

– Макс поймал десять щук. Мы все объелись. Ты будешь? – объяснила она и зачем-то взяла его за руку. – Уже вечер.

Сашка обернулся, посмотрел на американку, взгляд Элизабет показался ему несколько откровенно нежным, потому что он сказал тут же немного пренебрежительно:

– В сортир забегаешь.

– Это ничего, – ответила она, очаровательно улыбаясь, – принести тебе?

– Что принести? – в самом деле не понял он.

– Рыбы, – ответила она терпеливо, – или бульон будешь?

– Надо прорубь проверить, – хотел встать с нар Сашка, но очень внезапно Элизабет проявила неженскую твёрдость и остановила его, ухватив за локоть. Сашка плюхнулся на нары, едва не рассмеявшись от своего неловкого положения. Элизабет мягко и нежно спросила:

– Не дури. Все уже проверили. Макс и Фрэнк только вернулись. Полежи спокойно. Ты пять часов трясся, как мышонок... и бредил... у тебя наверняка температура высокая... Вылечись вначале, потом пойдёшь на прорубь. Слышишь меня?

Сашка, что называется, диву дался: никто из присутствующих на ее слова даже не пошевелился, не повернулся и вообще никак не прореагировал. Опять он проснулся, и опять в мире что-то изменилось. Спать ему просто категорически нельзя. Один лишь дядя Миша коротко глянул на него и сердечно похвалил:

– Живой? Вот и молодец. А ночью ши-ибко зубами-то колотил!

Затянулся вкусно, выпустил дым и устался на огонь.

Сашку бил озноб, и нижняя челюсть пощёлкала зубами, как при переохлаждении. Он передёрнулся, и в голове тут же застонало так, что Сашка едва не забыл от боли.

– Саша, – негромко произнес Макс назидательно, – слушайте Элизабет, у нас все под контролем.

– Смотри-ка ты, – проворчал Сашка, – атаманшу себе нашли, – посмотрел на Элизабет и почти попросил: – Отпусти, пожалуйста, локоть, я рюкзак достану, у меня там лекарство. Я не буду вставать.

Локоть его отпустили, но взгляда не отвели. Сашка достал рюкзак, нашел в аптечке лекарство и проглотил две таблетки просто так, без воды.

– Анальгетик? – спросила Элизабет.

– Анальгетик, – ответил Сашка нервно, – что ты на меня так смотришь?

Она улыбнулась ему еще раз, очень мило, по-женски так совсем, что Сашке показалось, он начинает краснеть, потом взяла его руку в свою ладошку, накрыла сверху другой и очень просто, без тени смущения, не глядя ни на Макса, ни на Фрэнка и уж тем более на дядю Мишу, позвала:

– Сашья, поехали со мной... в Америку?...

Здесь Сашке стало совсем плохо. Плохо, потому что он где-то все понял, плохо потому, что он не собирался в Америку и-и... вообще никуда не собирался, потому что там, в далёком Северске осталась Ксюша. Он суетливо озирнулся, выдав себя с головой, не зная, где остановить свой взгляд, от этого занервничал еще больше и наконец, не выдержав, вскочил с места и чуть не закричал:

– Да... да... на кой мне хрен твоя Америка? На кой мне хрен твоя Америка? Кто я там? В твоей Америке?...

– В Америке живёт много русских, – тихо, вразумительно сказала она, – будешь работать со мной в группе...

– Нет у вас русских!.. Ясно? – Сашка склонился к ней. – Русские есть только в России!.. И-и... в этом... бывшем Союзе еще... А это... это просто эмигранты. Ясно? И больше никто!

– Успокойся, – ровно попросила она. Сашка мгновенно умолк. Посидел чуть и сказал:

– Прости, не хотел.

– Ничего, – опустила она глаза, – ничего. Знаешь, Сашья, я в первый раз позавидовала...

– ... мне? – не поверил он.

– ... девушке твоей, – подняла она на него глаза.

Сашка тяжело посмотрел на американку. Она так спокойно встретила его взгляд, что даже не моргнула, и в лице не дрогнул ни единый мускул.

– А с чего ты взяла, что у меня есть девушка? – простовато и грубовато спросил он.

– Это не я взяла. Смотришь так.

– Как?

– Отчаянно холодно.

– Трясёт меня... вот и смотрю так, – пробормотал он, потянул на себя все тот же разрезанный тулуп, укрылся им и улёгся на свое место, независимо и очень одиноко.

Элизабет положила ему ладонь на лоб, подержала немного и уверенным голосом объявила всем:

– Заболел.

В комнате, на удивление, сразу все зашевелились. Первым подошел дядя Миша, держа руки в карманах, посмотрел сверху на Сашку, кивнул на него и, словно тот был без сознания и не слышал ничего, спросил у Элизабет:

– Температура?

Сашка на это зашёлся кашлем, сотрясаясь всем телом. Элизабет положила ему руку на плечо под тулупом, как бы удерживая от этих приступов и попросила, подошедших Макса и Фрэнка, достать рюкзак с лекарством. Макс полез вниз под нары, а Сашка на этот произвол вдруг воспротивился.

– Я уже выпил лекарство, – сказал он, справившись с кашлем, – больше не буду.

– А тебя никто не будет спрашивать, Сашья, – сказала ему Элизабет. У Сашки на такую фразу отвалилась челюсть. Он вылез из-под своего тулупа, глянул на американку, опустил глаза на копошившегося в рюкзаке Макса и спросил:

– Насильно будете поить?

– Если надо будет, – ответила она твёрдо.

– Да не надо его травить этими таблетками, – посмотрел на Сашку дядя Миша как на кролика подопытного, – давай-ка я его, Лизка, спиртом разотру... спину... первое русское лекарство.

Элизабет задумалась на секунду и согласно кивнула головой. Дядя Миша достал фляжку, отвинтил колпачок, понюхал и пожалел о своем предложении. Поднёс к носу горлышко, втянул воздух и пробормотал недовольно:

– Переводим добро. Ну, раз надо... – и тут же остальным: – Брысь все отсюда.

Тёр Сашке спину дядя Миша на совесть. Так тёр, что непонятно было: хотел ли он спирт в Сашку втереть, или Сашку в нары, или просто на сухую пытался растереть того, чтобы сохранить побольше «добра»? Тёр и сам с собой говорил:

– Переводим добро... и спина у тебя вон какая здоровая... хоть всю флягу вылей, не хватит.

– Ты себе налей «полста», – как молния для дяди Миши прорезался голос Сашки.

– А? – даже встрепенулся он.

– Символично. За моё выздоровление, – приободрил его тот. Дядя Миша оторвался от его спины, привычно вскинул брови, сдвинул глаза на то место, где должна была виднеться сигарета и нехотя, раздумывая, «едва-едва» согласился:

– Нет... если только за выздоровление... Может, и ты?...

– После анальгетика алкоголь пить нельзя, – тут же подлетела к ним Элизабет, села между Сашкой и дядей Мишей.

– Вы сами пейте, а Сашью оставьте в покое. Ему надо отдыхать, – и подала одевающемуся Сашке его свитер.

Дядя Миша задумчиво и где-то бестолково опустил глаза на бесценное свое сокровище во фляжке и осуждающе выложил:

– Вот ведь, Сашка, какой ты все же? На двести вёрст вокруг ни единой живой души, ты Бог знает где... а с бабой!..

За окном едва приметным пятнышком темнела на озере прорубь. Очень осторожно тундру охватывала ночь. Еще одна ночь среди миллионов других. Ничем не примечательная, похожая на все остальные. Столь же тёмная, холодная и снежная. Столь же томительная и гнетущая. Та же луна взошла на чёрный небосвод, среди тех же звёзд, и та же луна заглянула в окно одинокой рыбацкой избушки, пролив свой сумеречный свет на лица спящих ее обитателей.

У них нынешний вечер не был похож на все остальные: все они спали сытым сном. Сашка лежал на своем привычном месте – возле фанерной обивки стены под окном, рядом так и осталась Элизабет, и уже за ней находились Макс с Фрэнком да дядя Миша. Все мирно и ровно сопели во сне.

Сашка лежал на спине, закрыв глаза, но уснуть не мог никак. Его несколько знобило. Старый тулуп не спасал, сброшенный сверху, он едва доходил ему до груди. Руки Сашка пытался спрятать в подмышках, но это помогало мало, ладони стыли, словно находились в ледяной воде.

Элизабет лежала лицом к Сашке, под своей пуховой курткой, иногда открывала глаза, смотрела на его страдания... но что-то останавливало ее от помощи. Может быть, недавний взрыв его негодования?... А может, старательно поддерживаемое им состояние своей независимости?... Ни от кого. Она старалась об этом не задумываться. По меньшей мере, сейчас. Сейчас самое главное – вылечить Сашку. Болеть им, а ему особенно, просто нельзя. В таких условиях это опасно для всех. Только вот как его лечить?... Сопrotивляется на каждом шагу...

Сашка кашлянул в подтверждение мысли Элизабет, потом еще, более надрывно и громко, сел на нары и зашёлся в приступе, зажимая рот рукой.

– Лекарство у меня, Сашья, – произнесла она сразу, как он остановился, – будешь пить?

Сашка кивнул, не поворачиваясь, выглянул в окно – луна, снег, тундра без границ. Элизабет достала из кармана своей куртки Сашкины таблетки, протянула ему две штуки, сбросила с себя куртку и легко, бесшумно соскочила на пол. Принесла ему кружку с водой. Сашка посмотрел на эту заботу со свойственным ему смущением, сказал:

– Я бы и так проглотил...

Но кружку взял и запил таблетки. Элизабет присела рядом на колени, осторожно положила Сашке на лоб свою ладошку.

– Горячий, – тихо сказала она.

– Лоб горячий, – проворчал он на самого себя, – руки холодные... как отмёрзли.

И опять спрятал ладони в подмышках, скрестив руки на груди. Элизабет унесла обратно воду, вернулась, села рядом с Сашкой, достала руку его и зажала в своих ладонях.

– Это лёд, Сашья. Щука из озера и то была теплее.

– Выживу, – как можно более безразлично сказал на это он.

– Конечно, выживешь, – согласилась Элизабет, – лишний раз страдать совсем ни к чему.

– Я не страдаю.

Элизабет это заметила и снисходительно, но проявляя все ту же твёрдость, пояснила:

– Чтоб не страдать, надо в первую очередь относиться ко всему здраво... а не с позиции «большого героя», – глянула в окно и кивнула Сашке, – смотри, луны только половина осталась. Скоро луны не будет. Тогда вообще ничего не видно?

Сашка не стал поворачиваться и разглядывать половину луны, а ей в тон рассказал:

– Зимой в тундре полной темноты не бывает. От снега даже свет звёзд отражается, – и тут же, как бы уличив ее в неправде: – Ты же была на Аляске?

– Я была на Аляске, – подтвердила она, – только в безлунную ночь не бродила по тундре. Согреть тебе бульон?... Или холодной рыбы?

– Не надо ничего. Я, правда, не хочу.

– Ты не ел несколько дней... от анальгетика может быть плохо... желудок разболится.

– Ладно, – громче положенного вздохнул Сашка, – в кружке бульон принеси, я выпью.

– Счастье какое, – пробормотала Элизабет, соскочила с нар и бесшумно пронеслась до стола, где была кастрюля и кружки. Там зачерпнула бульона и принесла Сашке: – Удержишь? Или с рук кормить?...

– Где ж ты так хорошо русский язык выучила? – не сводя с нее глаз, взял он кружку: – Словно и не из Америки совсем... шпийнка.

– Сейчас без разницы, – ответила она, – все братья и друзья, когда беда одна и цель одна. Пей.

– Сколько тебе лет, Лиз? – в несколько глотков он выпил всю кружку.

– Не скажу, – мило улыбнулась она, забрала посудину, унесла ее обратно и, вернувшись на место, взяла вновь его руку в свои ладони: – Так тепло?...

– Тепло, – отбрехался он.

– Как ее звать?

– К-кого звать? – даже опешил Сашка.

– Девушку твою, – терпеливо подсказала Элизабет, взяла в ладони и вторую его руку, – у нее есть имя?

– Да она не моя девушка. Мы друзья...

– Я понимаю, – согласилась она, чуть ли не с состраданием, – так бывает. Ты не расстраивайся, она будет твоей девушкой.

– А я и не расстраиваюсь, – похорохорился Сашка, – у нас дрова с углём заканчиваются... вот с чего расстраиваться надо. А то...

– Когда закончатся дрова, чем будем топить печку? – довольно вяло поинтересовалась Элизабет.

– Придумаем. Кустов много...

– Сашья, – Элизабет слегка сжала его руку, – как думаешь, нас найдут?

Он кивнул едва заметно, куда-то в сторону и туда же, в сторону сказал:

– Думаю, найдут.

– Долго ждать?

– Не знаю. Будем надеяться, что недолго.

– Может, надо уже что-то предпринимать?

– Надо.

Сашка чуть помолчал.

– Рыбу надо заготавливать... и дрова...

– Заготавливать?...

– Начнёт мести пурга, – посмотрел Сашка на нее, – на два метра от избушки не выйдешь. А прорубь так просто не найдешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.